

Ирина
ЛИСОВСКАЯ

РАЗВОД

Я сама так решила

Ирина Лисовская

Развод! Я сама так решила

«Автор»

2025

Лисовская И.

Развод! Я сама так решила / И. Лисовская — «Автор», 2025

– Я хочу развод, – бросаю сухо и безэмоционально, как робот. – Ты мне изменил.– Ну и кому ты нужна, если родить не можешь? Тебе уже тридцать три, а не двадцать. Залежавшийся товар! Бьет прямо в цель, раня меня и вновь напоминая, что я поломанная кукла.– Если я захочу родить, – выпаливаю равнодушно, пряча эмоции глубоко в себе. – То сделаю ЭКО. Муж планировал удержать меня при себе грязными трюками, но даже и не подозревал, что его идеальный план провалится с треском. Арсеньев – наш конкурент, нагло ворвался в мою жизнь и перевернул ее с ног на голову. Дерзкий, смелый и обаятельный, он свирепо вырвал меня из лап бывшего мужа. Я бы могла забыться в его страстных объятиях, но раненное сердце не так просто излечить...

© Лисовская И., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	30
Глава 10	33
Глава 11	36
Глава 12	39
Глава 13	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Ирина Лисовская

Развод! Я сама так решила

Ирина Лисовская

Развод. Я сама так решила

Аннотация:

– Я хочу развод, – бросаю сухо и безэмоционально, как робот. – Ты мне изменил.

– Ну и кому ты нужна, если родить не можешь? Тебе уже тридцать три, а не двадцать.

Залежавшийся товар!

Бьет прямо в цель, рая меня и вновь напоминая, что я поломанная кукла.

– Если я захочу родить, – выпаливаю равнодушно, пряча эмоции глубоко в себе. – То сделаю ЭКО.

Муж планировал удержать меня при себе грязными трюками, но даже и не подозревал, что его идеальный план провалится с треском.

Арсеньев – наш конкурент, нагло ворвался в мою жизнь и перевернул ее с ног на голову. Дерзкий, смелый и обаятельный, он свирепо вырвал меня из лап бывшего мужа. Я бы могла забыться в его страстных объятиях, но раненное сердце не так просто излечить...

Глава 1

– Эй, с дороги-и-и!

Крик мальчика эхом разносится по парку и долетает до меня, словно отрезвляющая пощечина.

Что? Где? Не успеваю ни сообразить, ни отскочить, хотя я иду по тротуару, а не по проезжей части! Но все же поднимаю голову от смартфона и...

– Тетя, побереги-и-и-сь! – орет все тот же ребенок.

Я впадаю в ступор, на меня буквально со скоростью света мчится мальчишка на электросамокате. Да так уверенно, не тормозя, словно ему заказали меня, как киллеру, устранить любым способом.

И этот малолетний, прости господи, киллер, налетает и бессовестно сбивает с ног. Оступаясь в панике, попадаю высоченной шпилькой прямо на камень, нога подкашивается, и я теряю равновесие. Руки взмываются вверх, телефон выпадает из руки, а из другой – сумочка.

Со свистом за секунду падаю на асфальт, и резкая боль простреливает затылок аж до звездочек перед глазами. Затмевает собой буквально все, охватывая сознание первобытной паникой. Не вижу ничего перед собой, взгляд затуманен, зато четко слышу стон малолетнего киллера:

– Йо! Батя меня прикопает! Эй, тетенька, ты жива?

Этот долбаный киллер трясет меня за плечи так уперто, словно я его копилка, а внутри нет монеток на мороженое.

Боже... жива ли? Хороший вопрос! Не могу ни пошевелиться, ни пискнуть, лишь прислушиваюсь к скверной пульсирующей боли в голове. Там будто тараканы вытянули по молоточку и долбят меня изнутри, пытаюсь прорубить себе дверь в лучшую жизнь.

– Бать... – слышу слегка встревоженный голосок, но парнишка шустро берет эмоции под контроль: – Я тетеньку убил, сможешь труп спрятать?

Эй, гаденыш, какая я тебе тетенька?! Хочу возмутиться, но не могу, голова болит так остро, что губы не шевелятся. Да у меня же сотрясение, не меньше!

Увы, не слышу, что отвечают малолетнему киллеру, но явно что-то плохое. Скорее всего – это телефонный разговор. Могу различить лишь грубый мужской тембр, от которого по коже ползут мурашки. Хоть бы реально не прикопали меня где-то в лесу, я еще пожить хочу.

– Я жива... – кричу, но трачу на это последние силы.

Все, батарейка села, а запасной в сумочке нет!

Сознание постепенно возвращается, но меня качает, как на волнах. Да что он все трясет меня, как киндер сюрприз перед ухом? Отстань, мальчик, нет у меня внутри игрушки!

Медленно и мучительно распахиваю глаза, а надо мной нависает хмурое юношеское личико. Почему-то, перевернутое. Хм...

Медленно осознаю, что лежу на диване, а не на холодном асфальте и паренек нависает надо мной со стороны головы. И мы уже не в парке, а у кого-то дома.

– О! Тетя, ты в порядке?

Улыбается, показывая чуть кривоватые зубы, а мне хочется ручками потянуться к его шее и вцепиться в нее, как та жаба из мема, что вцепилась цапле в шею. Потому что жить хотела! И я тоже... хочу!

– Я не тетя... – обиженно бурчу и кривляюсь, а паренек насмешливо тянет вверх бровь.

Уточняет с задорной хитринкой:

– Дядя?

Да ну что за мелкий поганец?! Еще улыбается, киллер-самоучка!

Просто вздыхаю и прикрываю глаза. Успокойся, Мира, все хорошо. Дыши глубже.

Да знаю я, что в глазах подростка выгляжу старой теткой. Но мой мозг ломается на этом слове, как потрепанная тачка отечественного автопрома посреди дороги. Не хочет мириться с положением дел!

Я еще девушка! Восемнадцатилетняя, ага. И пофиг, что мне уже тридцать три, в душе мне все еще восемнадцать и точка.

И почему нельзя, как в тех дорамах – упала, очнулась в теле молодой принцессы из прошлого. Уж я бы там сотворила переворот!

Мелкий киллер-засранец не пощадил мою раненную голову, проорал над ухом:

– Ба-а-ать, отбой, прячь лопату в сарай! Я не убийца, дядя пришел в себя!

Нет, ну ты посмотри! Ну вот правда, хочу поставить ребенка на место, но, когда резко подскакиваю, кажется, что подо мной пол вращается вместе с диваном... Со стоном падаю обратно, растираю виски, но боль все барабанит, словно моя голова – это инструмент барабанщика на концерте.

– Не ерничай! – разлетается грубый бас, а затем слышится... подзатыльник? – Какой еще дядя, тебе очки на день рождения подарить вместо новой приставки?

– Ну, бать... – зудит обиженный киллер у меня над ухом, – «плойка» – это не обсуждается. Я разве виноват, что тетя тире дядя сам не знает, кто он.

– Илья! – громыкает на всю комнату властный голос, которому мне хочется подчиниться.

Твердый, как камень и уверенный, стальной. Хрипловатый, от него невольно по коже пробегают мурашки, но я лежу и прикидываюсь трупиком, а мелкий киллер тушует, отступает от меня. Молчит в ответ. О! Тишина, боже, какой же кайф! К сожалению, не на долго:

– Мирослава Краевская? – голос становится тягучим и обволакивающим, как жидкий мед. Будто мужик соблазнить меня пытается, но никак не извиниться за малолетнего киллера.

Лишь на секунду теряюсь и становится тепло на душе, ведь когда в последний раз мое имя произносили нежно, с придыханием? Как нечто личное, драгоценное.

Но шустро, пока не растеклась тут сладкой лужицей, беру эмоции под контроль и ситуация вмиг проясняется:

– Что, денег на взрослого киллера пожалели? – не сдерживаюсь и прыскаю от смеха.

Понимаю, что уже и голова не так сильно болит, и встать могу. Но не хочу! Мужик меня знает, а это не к добру. Значит, видеть его, а уж тем более знакомиться – плохая идея.

Да уж, Мира, угораздило тебя вляпаться! Куда я, собственно, шла и где мои вещи? Сумка? Боже, там же контракт, он важен! А телефон? Мне же, кажется, сообщение пришло прямо перед тем, как один горе-киллер сбил с ног.

Шестеренки медленно прокручиваются, но противно скрипят без смазки. Сообщение точно пришло, и я помню лишь начало: «Твой муж сейчас в...»

В офисе, где же ему еще быть! Я как раз перед тем написала Саше, что мы заполучили инвестора. За упрямым пришлось побегать целую неделю, но оно того стоило!

Мужчина нагло обрывает мысли:

– Согласен, осечка вышла. В следующий раз объявлю тендер среди киллеров.

Явно усмешается мужик, я же поджимаю губы. Нехорошее предчувствие ползет по коже, как гремучая змея и меня передергивает. Это была просто шутка или меня действительно хотят убрать?

Только сейчас заново осознаю, что лежу на диване, а значит, меня успели перевести. Это ж сколько я была в отключке? Как же все это... неловко!

Приподнимаюсь и усаживаюсь. Осматриваюсь. Интерьер гостиной не задерживается в памяти, взгляд сам по себе приковывается к мужчине. Вероятно, отцу малолетнего киллера.

Вскидываю голову, потому что он высокий и всматриваюсь в синеву глаз. В зрачке плавают эмоции, которые мне не разгадать. Но там, на дне, как в теплом море – уютно и комфортно. Они затягивают в водоворот и закручивают, как в машинке на выжиме.

Красив несмотря на то, что темных волос уже слегка коснулась седина, мужчине она к лицу. Подчеркивает статус. Видно, что он старше лет на десять, а то и больше – сорок с хвостиком. Но при этом мужчина в очень хорошей физической форме. Мускулистый и подтянутый, будто регулярно посещает зал.

Улыбка ленивая, чуть ироничная, но не узнаю мужчину. Хотя догадываюсь – конкурент. Возможно один из тех, кто уже неоднократно пытался переманить меня.

Понимаю, что слишком долго и откровенно пялюсь на него, плавно переключаюсь на мальчишку. Хотя на первый взгляд кажется взрослым, но он точно возраста моей Вероники – пятнадцать или шестнадцать лет. Такой же высокий, как и отец, только волосы растрепанные в стиле поколения Альфа, как сейчас модно говорить у подростков. У меня так и зудит в одном месте причесать оболтуса. Улавливаю между ними сходство: нос, губы, цвет глаз. Отец и сын, нет сомнений. Мальчик полностью скопировал позу «бати»: ноги на ширине плеч, руки скрещены на груди. И оба пялятся на меня, как на дорогую картину в галерее. Передергиваюсь, ненавижу, когда меня так откровенно разглядывают.

– Ну что, киллер на минималках, ничего не хочешь мне сказать?

Выгибаю бровь, потому что сопляк громко фыркает. Но парнишка не злится, не ерничает, как это любят делать подростки, показывая свою крутость. Он просто пожимает плечами:

– Виноват, – ух эта мальчишеская улыбка!

Попадаю под ее чары, тоже улыбаюсь в ответ. Таю от искренности в глазах и отпускаю дурацкую ситуацию несмотря на то, что на голове нащупываю большой пластырь. Болит в том месте, черт подери! Но, ладно уж, будем считать конфликт исчерпанным.

– Илья, – я вздрагиваю, голос мужчины буквально пропитан недовольством, паренек сразу добавляет:

– Извините, мне жаль.

– Ой, – с усмешкой отмахиваюсь, прекрасно зная, что вытащить из подростка извинение, да еще и искреннее – похлеще квест комнаты.

– Иди, – отец отсылает его кивком головы и, когда мальчик поднимается по лестнице на второй этаж, иронично добавляет: – а из карманных денег заплатишь за ремонт телефона Мирославы.

Илья останавливается, замирает в неверии, а затем резко бежит назад, топает ногами так громко, что морщусь от взрыва боли в голове.

– Батя! – недоволен, руки снова скрещивает на груди, и они с батей воюют взглядами.

А я не знаю, смеяться мне или плакать, ну до чего милая сцена! Мой муж Саша редко наказывает дочь, да что там, он и воспитывает ее «по праздникам». Вероника, чувствуя вседозволенность, слишком много себе позволяет. А я что? Я ей не мать – мачеха, меня она совершенно не слушается. Изредка пытается, но выходит так себе.

Глава 2

Илья же напротив – хоть и куксится на отца, однако соглашается, явно проиграв в этой битве. Неохотно и слишком медленно достает из кармана широких штанов свой мобильник, бурчит:

– Куда мне деньги перевести?

– А где мой телефон, вообще? Сумка?

«Батя» уходит, но через минуту возвращается, в его руках мои вещи. Отлично! Сразу ныряю в сумку и выдыхаю. Контракт – самое важное, что я могла потерять после неудачного «убийства» горе-киллером.

А с учетом, что предо мною конкурент, то вообще непонятно, была ли вся эта ситуация спонтанной.

Отвлекаюсь на телефон: экран разбился, но смарт работает, не все так критично. Но в целях воспитания диктую наизусть для Ильи цифры своей карты и через минуту на нее падает маленькая и слишком четкая сумма.

Киллер поясняет:

– Там только экран поменять, я знаю, сколько это стоит.

И сбегает прежде, чем батя наорет на него, а батя прямо закипает не хуже чайника, что аж пар из ушей валит. Но я смеюсь и вскоре мужчина остывает: улыбается, демонстрируя мне некую смазливость с ямочками на щеках.

Без Ильи рядом момент становится слишком интимным, на уровне продолжения знакомства, а мне это надо? Нет! Я замужем, дико уже то, что вообще сижу на диване в доме левого для меня мужика. Да он тоже наверняка женат!

Без задней мысли подсказываю, но забываю о травме головы и все летит к чертям. Я едва не падаю снова, перед глазами плывет и меня качает, но...

В тот же момент сильные руки не дают позорно упасть, удерживают меня на месте, прижимают к твердой груди, буквально заставляя вдыхать запах мужчины. Парфюм едва различаю, потому что преобладает тонкий мускусный запах: смесь табака и чего-то древесного. Он будоражит рефлексы похлеще, чем ародизиак и мурашки бегут по коже безо всякой причины. Такой магнетизм не купишь ни за какие деньги. Это то, что цепляет намного глубже, обходя сознание и будто включая рубильник внутри меня.

Синие глаза слишком близко. В них ирония, но и странное тепло, которое я не могу вынести. Будто мужчина видит меня насквозь, знает все, в чем я даже сама себе боюсь признаться.

Мира, очнись! Ты попала под дурные чары явного бабника!

Моргаю, пытаюсь отступить, мужчина все еще придерживает меня за талию, кожа горит от его прикосновения даже через одежду. Да как же так? Что это со мной? Ну точно головой ударилась, иначе я не могу объяснить свою минутную слабость и томительную реакцию на мужика.

– Все нормально? – звучит из его уст, как провокация.

Я сглатываю.

– Да... Просто... голова закружилась, – лепечу и не узнаю собственный сиплый голос.

– Конечно, – он улыбается уголком губ. – Голова. Грешным делом решил, что это я так действую.

Вырываюсь из стальных объятий, словно меня ударило током. Щеки горят, а сердце все еще колотится слишком громко.

Я замужем. Замужем! И он это знает. Но... черт возьми, искры между нами разлетаются слишком явно, чтобы их не заметить.

Колю мужика взглядом, хочу проколоть его, как землю вилами, батя сразу с иронией приподнимает руки в капитуляции:

– Не нужно меня закапывать в воображаемую могилу, просто знак вежливости.

– Держите знак вежливости при себе, – выплевываю с ненавистью и хватаю свою сумку.

Злюсь, но на себя и реакцию тела. Сбегаю, перепрыгиваю порожек между гостиной и коридором, а мужчина догоняет у двери:

– Мирослава, я хочу с тобой поговорить.

А я – нет. И это не женское капризное упрямство. Просто знаю, о чем пойдет речь, поэтому спешно ныряю ногой в туфлю, а вторая висит в воздухе из-за внезапного признания:

– Я Глеб Арсеньев.

Прибивает словами, будто гвоздь в крышку гроба загоняет. Арсеньев...

Я не обязана знать всех наших конкурентов в лицо, но кое-что, конечно же, на слуху:

– Био... – начинаю, а он заканчивает за меня:

– Биомедицинский холдинг «Ильярс», – протягивает мне руку,жимаю ее на автомате.

Новая порция разряда тока прокатывается по телу жаром, меня мелко потряхивает, но спешно беру эмоции в твердый кулак.

Арсеньев – конкурент нашей с мужем сети клиник! У нас хоть и разные направления, но схожие идеи и партнеры. «Ильярс», как и многие другие холдинги, не раз пытались переманить меня к себе, как грамотного и упертого стратегического директора. Еще не родился такой инвестор, который бы отказал мне и это манит конкурентов похлеще, чем муравья на сахар.

Сощуриваюсь, в голову лезет бредовая идея, но отмахиваюсь. Я наслышана про Арсеньева и интриги не его конек в ведении бизнеса. Он догадывается, вероятно, все написано у меня на лице.

– Нет, Илья сбил тебя самокатом случайно. Я взял на себя смелость и осмотрел тебя, обработал рану. В целом ничего страшного, но советую пройти МРТ, лучше не затягивать с этим. И еще, раз уж ты здесь, давай кое-что обсудим. Я хочу... – он собрался говорить дальше, дерзко перебиваю:

– Раз уж я здесь, то скажу снова: предавать мужа и уходить к конкурентам не буду!

Четко, лаконично, но Арсеньеву не понравилось: лицо потемнело, губы поджались. Тем не менее, другого не будет, и он должен это понимать. Спешно надеваю вторую туфлю, сбегаю из дома конкурента.

Бегу, нервно оглядываюсь, будто от любовника удираю, ну честное слово! А кустах как раз сидит детектив, чтобы заснять мою неверность и предоставить, как улику, в суде.

Арсеньев и его киллер-сын забываются, едва переступаю порог собственного дома. Уставшая, потрепанная, с головной болью, но все равно плетусь на кухню и торопливо готовлю ужин – привычка за последние десять лет.

Мужа нет в доме, зато из комнаты Вероники беспрерывно доносится громкая музыка, из-за чего приходится выпить таблетку – голова квадратная!

Подхожу к комнате и со вздохом распахиваю дверь, Вероника даже не обернулась.

– Ника! – ору, чтобы перекричать музыку и добавляю: – Оторвись на минутку от компьютера!

Она разворачивается ко мне на кресле, манерничает, словно я отвлекла ее от мега важного дела. Заодно подмечаю, что бардак, как я просила ее утром, не разгребла.

– Где твой отец?

Закатывает глаза:

– В отеле-е-е, – тянет издевательски и добавляет: – с любовницей!

Разворачивается обратно, снимает игру с паузы и утыкается в экран. Все, Ника потеряна для общества.

А у меня слишком болит голова, чтобы ругаться с ней. Тема про любовницу не новая из ее уст, но я спокойна. Что я, Сашку своего не знаю? Наверняка опять в ресторане пьет с директорами клиник. Тем более, есть повод – я же заключила сделку для обновления мед оборудования в лабораторию!

Жду его до поздней ночи, Ника давно поужинала и даже, кажется, уснула. Тишина в доме как-то излишне нагнетает, поэтому укладываюсь в кровать и еще долго лежу без сна, но вскоре проигрываю дремоте.

Утро в привычном режиме, даже несмотря на тупую головную боль в месте удара варю кофе мужу, попутно на планшете сверяюсь с графиком переговоров, чтобы не упустить ключевые моменты.

Ника неохотно жует завтрак, а я кое-что вспоминаю и мчусь к ней в комнату. Собираю выстиранный и поглаженный спортивный костюм, несую к рюкзаку дочери и кладу рядом.

– Ник, ты опять чуть не забыла форму! – слегка отчитываю, потому что мне потом за это влетит от директора.

Она фыркает, пережевывает бутерброд и только после выпаливает с закатанными глазами:

– Да кому нужна эта галимая физра?! Не хочу, буду и дальше прогуливать!

Кривляется, потому что ей не нравится физкультура, но что поделаешь, купленное ею в интернете освобождение физрук порвал еще на первом занятии. Собственно, из-за него я краснела в кабинете у директора целых двадцать минут! Почему не Саша? Да потому что ему некогда, вот и все.

– Никусь, осталось чуть меньше года, и ты закончишь школу, надо просто немного потерпеть. Кстати, у тебя проблемы с алгеброй, давай вечером помогу тебе с домашкой. Заодно посмотрим, что по вступительным в универ, по каким предметам тебя надо еще подтянуть.

Саша уже за нее все решил – в какой ВУЗ, на какую специальность. Будет управленец, как и я. Будущая замена в бизнесе отца. Его прочная надежда, раз уж я так и не смогла подарить ему наследника...

Отмахиваюсь от болезненной темы, не к месту.

Я предлагала Нике помощь от всей души, но моя мелкая заноза в заднице, как всегда, язвит:

– Зачем ты так стараешься? Ты мне не мама и никогда ею не станешь!

Бьет словами, как хлыстом по уже окровавленному сердцу. Больно становится так, будто я случайно села на кактус, а его колючки застряли в заднице. Чувствую, как слезы подкатывают к глазам, резко разворачиваюсь и шустро разливаю кофе по кружкам. На самом же деле позорно прячу эмоции, потому что душа рвется на ленточки от ее холодности. И чем старше она становится, тем труднее мне находить с ней точки соприкосновения.

Глава 3

Муж вовремя появляется на кухне.

– Доброе утро, – разрывает неловкость между нами с Вероникой.

Сразу садится за стол и хватается кофе, жадно пьет. Его Ника целует в щеку, лебезит перед отцом, выпрашивая деньги, а меня будто и не существует в этом доме.

Сашке позвонили, он засуетился, принял вызов и сразу подскочил. Видимо, дела не ждут. Отстранив телефон, бросил мне на ходу:

– Мира, я сегодня буду поздно, так что ужинайте без меня.

– Папуль! – напоминает о себе Ника, и Саша спешно кидает на стол деньги.

– Все, я уехал, дел сегодня по горло. Мирка, увидимся в офисе.

Чмокает меня в щеку, затем Веронику и шустро убегает.

Вроде все прекрасно, как обычно, обыденно, но... как-то холодно, что ли. Ну, я не спорю, за десять лет нас мог сожрать быт и проблемы в бизнесе. У каждого свои дела, обязанности, но почему я в последнее время ощущаю себя лишней?

– Я наелась, – Ника отодвигает тарелку и уходит со стола.

Ну, то есть... я должна убрать за ней, как прислуга! И каждая попытка изменить положение заканчивается одинаково:

– Не хочешь за собой хотя бы тарелку убрать?

Кричу ей, а в ответ мне летит грубая, словесная пощечина:

– Это твоя обязанность.

Класс! Просто... великолепно. Сашкино «воспитание», если его можно так назвать. Нельзя наказывать, нельзя кричать и так далее. Ника быстро поняла суть и вскоре стала неуправляемой. А с седьмого класса и вовсе начала применять на мне устойчивую фразу: «Ты мне не мать!». И все, на это у меня не было аргументов, Саша лишь разводил руками.

– Она ребенок, а ты и правда ей не мать, так что не обращай внимание.

Как бы искренне и тепло я к ней не относилась, но не таяло сердце Снежной королевы. С самого детства она уже решила для себя, что я украли у нее папу и все тут. Когда я была ей остро нужна – сама приходила и ластилась, робко просила советы, но стоило вернуться Саше, как она тут же летела к нему с объятиями и жалобами, а я снова становилась чужой. Это я дарила ей тепло и ласку матери, заботу, но в ответ не получала и толики доверия. Воровка, вот кем я для нее являюсь по сей день!

Мотаю головой, чтобы прогнать дурные мысли. Забираю планшет. Кофе давно остыл и пить его нет никакого желания. Убегаю, как и все. Ухожу из холодного дома, а на улице все еще лето, хотя уже почти конец сентября. Тепло и солнечно, а в доме – лютая зима...

Перед работой созваниваюсь МРТ-центром, не связанным с нашей сетью клиник. А затем со снимком и заключением сразу иду к врачу. Сотрясение – это не шутка, особенно когда меня штормит и голова раскалывается.

Доктор Марат Савельев смотрит на меня укоризненно и слегка качает головой. Специалист своего дела и просто давний хороший друг моих родителей. Знаю, что он ничего не скажет Сашке, если я попрошу.

– Не вижу серьезных повреждений, – просматривает снимки и утвердительно кивает.

– Кости целы, кровоизлияний нет. Ушиб мягких тканей головы, признаки легкой черепно-мозговой травмы. Это неприятно, но угрозы для жизни нет.

– Ф-у-у-ух! Успокоили, дядя Марат.

Он хмурит седые, кустистые брови. Встает со стола, подходит ближе и рассматривает рану, тщательно спрятанную под волосами. Снова кивок и довольное хмыканье.

– И тут ничего критического, рана не большая, обработана хорошо. Не мой голову еще пару дней.

А когда усаживается обратно и коряво карябает мне назначение, будто прибывает на месте:

– На работе возьмешь больничный.

– Но... – не дает мне и слова вставить:

– Никаких стрессов на ближайшие дни, покой и легкий постельный режим. Обильное питье, витамины. Еще выпишу ноотропы и другие необходимые препараты, принимай их вовремя.

Со вздохом встречаю свою участь. Сразу вспоминаю, есть ли что-то важное на работе. Та-а-к... Ага, переговоры с немцами через три дня, за это время я точно восстановлюсь, ну а пока можно и немного отдохнуть.

Вынужденный отпуск пролетел быстро, и я снова в строю! Сашка даже не допытывался, что же со мной не так. Просто прислал в тот же день «ок» и на этом его любопытство закончилось.

Пока еду по оживленной дороге в офис, машина капризничает, прямо как Ника, но я упорно веду автомобиль, не обращая внимания на «мелочи». А зря! Лишь чудом успеваю свернуть на обочину и в эту же минуту вся электрика гаснет, а тачка застревает мертвым грузом.

– А ты не могла сломаться чуть позже, например, возле офиса?!

Ругаю ее и отчаянно проворачиваю ключ в зажигании, но все тщетно. Если что-то поломалось по части электроники, то я уже точно никуда не поеду. Но все же выхожу и заглядываю под капот с умным видом, а перед глазами мерцает ошибка 404...

Так и стою некоторое время, наивно на что-то надеясь, вместо того чтобы вызвать эвакуатор и такси. Может, последствия травмы?

Слышу, что рядом кто-то тормозит, но как раз в это время телефон в руке вибрирует от входящего сообщения. Утыкаюсь в экран, как вдруг меня обволакивает в кокон хриплым голосом:

– Помощь нужна?

Забываю про сообщение, даже не успев его прочесть, потому что этот голос... Вскидываю голову и едва не рычу от досады:

– Опять вы?

Арсеньев выгибает бровь, а я застываю в немом шоке. Так и пялимся друг на друга, как два неандертальца, попавшие из прошлого в будущее.

Мужчина не ждет от меня ответ, подходит ближе и ненароком задевает мое плечо. Тело охватывает мурашками, и я невольно дергаюсь, будто после удара дефибриллятора. Сердце и, правда, сбивается с ритма, замирает на секунду. А затем стучит так быстро, что картинка плывет.

Трясу головой, чтобы прийти в себя и подхожу к Глебу со спины, засматриваюсь на то, как мужчина проверяет шланги и прочие «прелести» машины, задумчиво тянет:

– В норме.

Я же фыркаю на его странное заверение:

– Ну да... Только вот ехать почему-то не хочет, – обиженно бормочу под нос.

Арсеньев хмыкает, оборачиваясь к моему лицу:

– У тебя, между прочим, машина, которая умнее большинства людей.

Боже, это комплимент или оскорбление?!

– О, точно. Настолько умная, что решила отдохнуть прямо посреди дороги. Наверное, медитирует, – язвлю, потому что не знаю, как ответить.

Арсеньев кажется глюком в моей поломанной «системе». Такой весь опрятный: выглаженный и идеально чистый костюм, на запястье в солнечных лучах блестят часы известного бренда. Знаю, потому что похожие дарил Сашке на день рождения. И этот опрятный мужик без омерзения лазит под капотом далеко не чистой машины. Безжалостно пачкает руки и реально пытается мне помочь. Просто... удивительно! В таком огромном городе мы опять умудрились столкнуться. Это мой рок?

Глеб снова заглядывает внутрь и вскоре захлопывает капот, отряхивает руки. Теперь нависает надо мной, как башня. Чувствую себя на его фоне Дюймовочкой, когда в надежде вскидываю голову.

– У тебя либо блок управления заглохнул, либо проводку перегрело. Эти «умные» машины любят изредка выкидывать фокусы.

Ну не машина, а фокусница-иллюзионистка! Ты посмотри на нее!

– Отлично, значит, ей можно дать пинка, чтобы образумилась? – бубню, а сама уже мысленно вызываю эвакуатор.

Хм, кстати, что там за сообщение мне пришло? Не успеваю глянуть, Глеб вклинивается в мысли:

– Да ладно, ничего критического, сейчас позвоню в сервис и твою тачку заберут.

Я морщусь, но молчу, потому что Арсеньев уже общается по поводу моей машины. Как будто у меня нет телефона и рук, чтобы вызвать эвакуатор.

Качая головой, просто иду к машине и забираю сумку, блокирую двери.

– Все, через десять минут спецы заберут твою красавицу. А ты поедешь со мной.

Давлюсь слюной и спешно откашливаюсь от неожиданности. Вот это заявление!

– С чего бы это? – упираю руки в бока. – Я такси почти поймала, – вру, чтобы отделаться от «заманчивого» предложения.

– Боишься меня? – иронично выгибает бровь, я прищуриваюсь. – Нам все равно по пути, так что мне не составит труда подвести тебя, Мирослава.

Тянет мое имя так сладко, что запинаясь об собственный поспешный отказ.

Глеб улыбается, а я сдерживаю улыбку и поджимаю губы. Вызвать такси не проблема, но, честно говоря, уже времени нет, я и так безбожно опаздываю. Как только приезжают спецы из СТО, без колебаний отдаю им ключ, а они мне – визитку и обещание, что до завтра машину починят. И на том спасибо!

– Ладно, поехали.

Глава 4

Усаживаюсь на переднее сидение. Смотрю четко перед собой и не жду никакого подвоха, как вдруг:

– Привет, живая тетя Мирослава.

Опять это раздражающее «тетя», от которого кровь за секунду закипает в жилах. Я вздрагиваю от внезапности, оборачиваюсь.

– Да чтоб тебя... и ты тут, горе-киллер?

Ухмыляется от уха до уха, показывая мне книгу в его руках. Вчитываюсь:

«Профессия: Киллер. Пособие для чайников».

И смеюсь скорее от отчаяния, чем от комичности. Я поняла, он все же решил меня добить, мелкий паршивец!

И не могу сдержаться от подкола:

– Вот, значит, Глеб, как вы устраняете конкурентов?! Взращиваете с пеленок собственного киллера, умно.

Он окидывает меня слишком откровенным взглядом, под которым я вспыхиваю, будто спичка. Раздевает им до гола и ласкает, что явно не уместно в нашем случае. Тем не менее, хватает и секунды, чтобы я завелась с пол-оборота, в отличие от моей предательницы машины! Но спешно гашу в себе любые зачатки ненужных чувств. Может, доктор чего-то не увидел на моих снимках?

Глеб возвращает взгляд на дорогу, не комментирует мои слова. Зато тархтит его сын:

– Теть, ты четкая, не скукота, как другие бадины подсти...

– Илья! – рявкает на весь салон отец и мальчонка умолкает.

Пожимает мощными плечами и с хитрой ухмылкой ныряет носом в книгу.

Я посмеиваюсь, ведь Арсеньев недоволен, вон как покраснел, будто переспевший помидор на грядке. Но, меня мало волнуют его подстилки, ведь именно это хотел сказать Илья.

Остаток дороги пролетает в гробовом молчании. Сначала Арсеньев высаживает сына возле ветки метро. Киллер подмигивает мне, затем показывает сердечко большим и указательным пальцем, убегает.

Ну а мы плавно трогаемся с места. Я просто... сижу молча, находясь под гипнотическим впечатлением от новой встречи с Ильей. Не могу не сравнить, параллель сама проводится в голове. По сравнению Вероникой он настолько живой и открытый со мной, словно я не чужая ему тетка, которую вчера сбил на самокате. А самая родная и дорогая сердцу... тетка.

Я сбита с толку и растеряна, ведь чужой ребенок вызывает трепет в душе, что совсем неуместно. Поэтому, как только джип Глеба тормозит около нашего с Сашей офиса, спешу сбежать.

Да и потому, что сплетен точно не избежать. Жена босса приехала на машине конкурента! От офисных сплетниц с биноклем вместо глаз ничего не скроешь, даже ката в мешке.

Хватаюсь за ручку, но выйти не успеваю, меня тормозят слова:

– Мирослава, и все же, я бы хотел с тобой поговорить о работе.

Ну что ж такое! Уютный настрой рушится в одно мгновение, трескается, будто я неосознанно наступила на тонкий лед. И через секунду уже тону в холодной проруби, а руку подать некому.

Не хочу, но оборачиваюсь к Арсеньеву. В глазах четкое упрямство, ни намек больше на прежнее тепло или юмор, что витал в салоне. Что ж, в игру включился расчетливый бизнесмен и я понимаю Глеба. Но не более того.

– О работе с конкурентами не разговаривают.

Настойчиво отворачиваюсь, выбираюсь из удушливого салона и прежде, чем закрыть дверь, добавляю с настойчивостью:

– Арсеньев, в следующий раз, даже если мы случайно пересечемся, давайте просто пройдем мимо друг друга. Я не хочу, чтобы до моего мужа доползли грязные и неправдивые слухи.

– Послушай, Мирослава, – он вздыхает, отстраняется от руля и спешит выйти из машины.

А я убегаю, бросаю на ходу охране, чтобы Арсеньева ни в коем случае не пускали. Слишком упрямый и целеустремленный. От такого точно нужно ждать беды!

– Но почему ты прицепился именно ко мне?! – ворчу в лифте, потому что вижу через стеклянные двери, как упорно Глеб пытается прорваться в офис.

Прячусь в кабинете, но с опаской поглядываю на дверь, хотя знаю, что посторонние точно не пройдут в офис.

И расслабляюсь спустя несколько часов, когда полностью погружаюсь в дела. А еще через два в мой кабинет беспринципно вламывается помощница, по совместительству офисная «подруга» Лена. Как всегда, одета слишком вызывающе: шпильки выше, чем башни в Дубае и платье, бросающее вызов офисному дресс-коду. Красное, миниатюрное, слишком облегающее. Волосы уложены идеально, будто у нее дома личный парикмахер, а не обычный фен и лак. И чересчур броский, как по мне, макияж, но это уже мелочи на общем фоне.

Она красива, спору нет, словно дорогая конфета в золотистой обертке. Но внутри отвратительная карамель, что безбожно липнет к зубам и от нее сводит скулы. Лена обожает внимание вокруг себя. Она льстит, когда это выгодно, и язвит, когда хочет уколоть. Невольно съеживаюсь, будто за ней в кабинет врывается январский холод.

– Славка-а-а, – сладко тянет Лена, садясь в кресло напротив и закидывая ногу на ногу, – ты что, реально с Арсеньевым приехала или у меня галлюцинации из-за недосыпа?

Я морщусь, делаю вид, что продолжаю печатать. А по факту бурлю, как вода в перегретом чайнике. Сразу мысленно ругаю себя за минутную слабость на дороге. Надо было вызвать такси, а не идти на поводу у странных желаний!

– Моя машина заглохла, а он проезжал мимо, – равнодушно отмахиваюсь, даже зачем-то оправдываюсь, но...

– Проезжал мимо? – хмыкает, откидывается назад. – Слава, ну ты совсем сдурела. Это ж конкурент Александра Васильевича! Ты в своем уме?

Хочет образумить? Нет, скорее тычет в меня укором, как пальцем в свежую рану.

– Лена... – отрываюсь от монитора, всматриваюсь в замысловатые глаза работницы и сдерживаюсь, чтобы ни выставить ее за дверь.

Не такие уж мы и подруги, чтобы она смела нарушать субординацию и тыкать мне в моем кабинете! Но сотрудница словно и не замечает предупреждающего взгляда, продолжает расковыривать рану ногтем:

– Ты настолько осмелела, что теперь едешь с Арсеньевым, как с личным водителем? А если Александр Васильевич узнает? Ты хоть представляешь, что будет?

– Я опаздывала. Все, точка.

Грубо отрезаю, но Ленка не соображает, когда нужно заткнуться:

– Да ладно! – смеется так отвратительно, что звонкий голос режет, будто ногтями по стеклу провели. – Слава, ты выглядела, как занудная зубрилка, которую подвез оторва стар-

шекласник на мотоцикле. Я аж обалдела, когда вас увидела! Ты вообще понимаешь, чем рискуешь?

Сжимаю губы в тонкую линию, но молчу. Я ничем не рискую, потому что не сделала ничего плохого! И упрекнуть меня Сашке точно не за что. Но Лена упрямо рисует отнюдь неприятные последствия и мне... реально становится дурно. Будто меня случайно застучали за изменой в номере дешевого отеля, причем, голой и в постели с мужиком. Тут же одергиваю себя. Вспоминаю, сколько раз муж ужинал с разными женщинами, скольких из них подвозил и при этом никто слова косога ему не сказал, даже я!

Помню, как однажды случайно поймала Сашку в компании незнакомой мне женщины. В ресторане с уютной атмосферой, где на фоне играла расслабляющая музыка. Он отмахнулся, сказал, бизнес-встреча и мне нет смысла закатывать скандал. Как и не было больше резона забирать заказ еды, в тот день я хотела побаловать своих ресторанным ужином...

Так с какой радости мне сейчас нужно краснеть и оправдываться? Да еще и перед кем? Перед собственной подчиненной? Вздор!

– Тебе что, острых ощущений не хватает? – Лена склоняется ближе, ее духи бьют в нос приторным запахом. – Или ты решила показать всем, что играешь с огнем? Но я тебя предупреждаю: обожжешься, потом не плачь.

– Лен, не читай мне нотации и иди лучше займись работой, – машу ей рукой на дверь, а помощница фыркает.

– Дура ты, Славка, – морщусь от ее «Славка», но проглатываю возмущение. – Мужики своих женщин не прощают, если те играют в грязные игры.

– Елена, – устаю от хамства и включаю режим руководителя: – Впредь следите за тем, что вырывается из вашего рта и соблюдайте субординацию! Я начальник, а не ваша подружка!

– Да как скажете, Мирослава Анатольевна.

Глава 5

Ухмыляется, зараза, даже ради приличия не делает вид смущенной. А я уже реально задумываюсь, а не уволить ли нахальную помощницу к чертям. Но, блин, со своими обязанностями она справляется, мне не в чем ее упрекнуть.

Лена уходит, противно цокая каблуками, я же морщусь. Откидываюсь спиной на кресло, когда за работницей захлопывается дверь.

Ну что за день?! С самого утра все наперекосяк! Хочу сбежать, но остаюсь на месте только потому, что через несколько часов важные переговоры, на которых мы должны с Сашей оба присутствовать. И Лена издевательски чуть позже напоминает о них, когда связывается по селектору. Бесит!

На удивление, сплетни не потянулись офисом и, похоже, что только Лена, моя помощница, стала невольным свидетелем утреннего минутного «позора». И то только потому, что наши окна как раз смотрят на главный вход.

Сашка появляется на пороге кабинета за час до встречи.

– Ага, ты тут, отлично, – выдыхает с облегчением. – Пошли, эти педанты уже в переговорке, – выплевывает остаток фразы.

Собираю документы по будущему проекту, беру блокнот и планшет. Пока идем длинным коридором, муж недовольно бухтит под нос:

– Приперлись раньше времени, заявили сюда, как к себе домой!

– Саш, это немцы, – успокаиваю его, касаясь напряженной спины. – Для них пунктуальность превыше всего. Мы справимся, у нас все просчитано.

В переговорке сразу подмечаю несколько знакомых лиц: представители сети клиник MediKraft и аналитик из мюнхенской штаб-квартиры. Муж спешит поздороваться, обменяться рукопожатием, я же ограничиваюсь деловой улыбкой. Немцы сразу просят не тянуть время, ссылаясь на плотное расписание встреч.

Сашка мигом берет инициативу: говорит уверенно, но слишком много льет воды. Обещает «высокий уровень обслуживания», «перспективы расширения сотрудничества» и «динамику рынка медицинских услуг», но конкретики ноль. Только красивые слова.

Замечаю, как лица партнеров каменеют: они кивают, но глаза холодные, словно потерявшие интерес. Знаю этот взгляд – еще пять минут, и они вежливо попрощаются, оставив нас с несостоявшейся сделкой. Ну нет! Мы эту сделку планировали два года и упустить ее вот так – позорно!

– Джентльмены, – мягко перебиваю мужа, – давайте перейдем к цифрам.

Сашка поджимает губы, но покорно замолкает, ведь тоже замечает, насколько низко упал градус доверия в переговорке.

Включаю слайды на экране.

– За последние три года мы проспонсировали и вывели из убыточности семь частных клиник и три диагностические лаборатории. – Говорю спокойно, показывая графики. – Уровень загрузки – восемьдесят два процента. Средний чек пациента вырос на четырнадцать, а доходность лабораторных услуг держится стабильно на уровне двадцати семи.

В переговорке сразу становится громче из-за перешептывания, взгляды партнеров оживляются. Мелькают по цифрам, затем немцы тихо обсуждают их между собой. В итоге обвожу всех пристальным взглядом и задерживаю на муже. Не доволен: губы поджал в плотную линию,

глаза полыхают огнем, но при этом он натягивает настолько милую улыбку, что скоро лицо треснет. С гордо поднятой головой встречаю его укор и швыряю такой же в ответ.

Да, я исправила все цифры на настоящие, потому что приукрашивать – это верх идиотизма!

– Мы понимаем, что для немецких инвесторов важна прозрачность, поэтому все финансовые отчеты проходят аудит у KPMG. Долговая нагрузка менее пятнадцати процентов от оборота, а значит, проект устойчив даже в случае колебаний рынка.

Показываю слайд с прогнозами и рассказываю четко, куда и на что пойдут будущие инвестиции.

Воздух в комнате меняется, градус доверия уверенно ползет вверх, когда партнеры задают уточняющие вопросы. Про лицензии, систему контроля качества, сертификацию. Я отвечаю коротко, по делу. Они кивают, делают пометки и, судя по всему, контракт мы точно подпишем.

Когда все заканчивается, Сашка вновь перетягивает одеяло на себя: улыбается, жмет руки, уверяет, что именно он будет «держат на контроле все этапы сделки». Его поздравляют, приглашают продолжить разговор за ужином. Я же, как всегда, остаюсь в тени.

Стою чуть поодаль, собираю записи и улыбаюсь дежурной улыбкой. Легкой, почти равнодушной, будто мне в самом деле не важно, кто получит лавры. Ведь дело общее...

Но внутри душу царапает дикая кошка и шипит от негодования. Рвется наружу, бежит со всех ног, но натывается на невидимый барьер и падает от сильного удара в лоб.

Ловлю свое отражение в стеклянной стене переговорной. Женщина в деловом костюме, прямая осанка, уверенные глаза. И только я одна вижу, что за красивым фасадом прячется неистовая усталость.

Улыбаюсь отражению просто чтобы проверить, не дрогнет ли маска. Нет, все в порядке. Никто ничего не заметит.

И ухожу по-английски, так как Саша уже знает свое дело: упорно тащит партнеров на ужин, где мне точно не место, потому что даже переводчик и тот мужчина!

Но все же муж догоняет меня в кабинете:

– Дорогая! – лепечет взволнованно и, могу поспорить, что у него в голове сейчас бренчит звук шелеста денег. – Приду поздно, так что меня не ждите!

– Только без фокусов, ладно? – грожу ему кулаком, припоминая «девочек» для прошлых партнеров. – Это немцы и они нам важны!

– Ой, будто немцы роботы, а не мужики.

Отмахивается, но кивает и спешно уходит. А я вызываю себе такси. Пока едем, прокручиваю в руках разбитый телефон.

– Надо бы купить новый, – ставлю себе мысленную пометку и в голову лезет что-то такое противно зудящее...

Будто я упустила важную деталь, но, какую? Вроде все нормально. Ай, короче! Это был слишком длинный день.

Дома миглом выбрасываю из головы мысли, принимаю теплую ванну и сразу ныряю в постель. Даже громкие вопли Ники из комнаты не мешают мне почти сразу же уснуть.

Просыпаюсь от противного брэнчания телефона на тумбочке, не хочу смотреть, мысленно машу рукой. Переворачиваюсь на другой бок и только расслабляюсь, как брэнчание повторяется. Через пару секунд снова и так несколько раз. Будто кто-то пишет по два слова и отправляет, чтобы я точно проснулась, взглянула на сообщение.

Ладно. Хрен с ним. Приподнимаюсь на постели и удобнее усаживаясь, беру смартфон. Неаккуратно веду пальцем по треснутому экрану и...

– Ой... – случайно режу палец об острую трещину, но на боль не обращаю внимания.

Потому что пытаюсь сконцентрироваться на сообщениях от неизвестного номера в телеграм. Глаза сами цепляются за крайние сообщения:

«Муж тебе изменяет прямо сейчас»

«Отель Skarlet, номер 505»

«Поторопись, если хочешь увидеть измену собственными глазами»

– Что за бред? – выпаливаю в темноту с недоверием, но...

Рука заметно подрагивает, ведь внутренний мандраж уже включился по щелчку пальцев и меня пошатывает, будто пол качается. Однако спешно подключаю логику.

Сашки и, правда, дома нет, а на часах два сорок семь. Но он ведь с немцами и это нормально, что они до сих пор гуляют. Ведь, так?

– Что за бредовый розыгрыш!

Тараторю, пока слушаю гудки, пытаюсь дозвониться мужу. Тщетно, не берет даже с третьего раза. Ну, в ресторане может быть шумно или Саша поставил телефон на беззвучный.

Ищу ему оправдания, но строки из сообщения бегут перед глазами, как быстрая строка – бесконечно. Травмирует психику и колют ее, как орех, на две половинки.

– Да ну нет, бред какой-то. Зачем ему мне изменять?

Ладно если б я была какой-то бестолковой и бесполезной дурой, но у нас ведь все хорошо. Холодность в доме и неприступность Ники не беру в расчет, любые чувства со временем остывают. Но остается крепкий фундамент, построенный на доверии и взаимопонимании!

Почти получается убедить себя, но некто будто точно знает о моих сомнениях, поэтому вдогонку к словам прилетает фото.

Открываю и рассматриваю. Кажется, ресепшен того самого отеля, вверху вывеска, на часах в момент снимка ровно два ночи.

И дальше, как бы я ни пыталась отвергать правду, но на снимке муж! Мой... муж... обнимает за талию блондинку, не могу со спины понять, кто она. Зато Сашка запечатлен в пол-оборота: в правой руке держит темно-синий пиджак, в котором он был на переговорах с немцами. Подмечаю, что галстука нет, а рубашка расстегнута на четыре верхние пуговицы. И улыбается так... игриво, что ли.

Не понимаю своих чувств в этот момент. Сердце отвратительно барабанит в груди, как перед приемом к зубному в бесплатной поликлинике. Я... сбита с толку и обезоружена.

Хотя по идее, это фото могли сделать когда угодно, если вообще не ИИ, например. Так скажем, происки конкурентов.

Глава 6

Но, чем дольше смотрю, увеличив фото до максимума, то замечаю слишком много деталей. Запонки – их я сегодня ему подготовила. Часы утром муж выбирал – узнаю и их. А еще цепочка на шее с кестиком, Сашка редко носит его, надевает лишь на очень важные встречи, как сегодня с немцами. Верит, что кулон приносит ему удачу.

Вроде все еще ищу оправдания мужу, но с отвращением отбрасываю от себя смарт и спешно одеваюсь. Я ведомая лишь инстинктами, потому что в голове полная неразбериха. Еще и машина, как на зло, до сих пор в сервисе, а такси все не едет!

Наконец, авто паркуется у дома, прыгаю в него и через секунду мы мчимся по пустой дороге. Доезжаем без пробок и светофоров слишком быстро, не успеваю даже перевести дух.

Отель встречает меня ярким светом в холле и приветливой девушкой за стойкой. Сразу узнаю ее – она была на той проклятой снимке, наверняка оформляла номер для мужа. Чтобы не вызвать подозрений, бронирую себе тоже номер. По иронии – 406. Как символично!

Забираю ключ-карту и со скоростью ленивца поднимаюсь на четвертый этаж. Оттягиваю момент истины, не хочу верить в измену! Я же верила ему безоговорочно, так неужели прощелкала важный звоночек?!

Коридор тянется бесконечно, словно подземный тоннель. Шагаю медленно, но уверенно, несмотря на дикий пульс, барабнящий в ушах. Каждый тяжелый шаг отдается глухим ударом в груди, а каблук выбивают ненормальный марш, будто я шагаю к собственной казни.

Заглядываюсь на таблички: пятьсот третий... и... пятый.

Пока рука тянется к ручке, я не позволяю себе ни единого лишнего вдоха. Соберись, Мира! Никаких сомнений. Что б там ни было, я должна это увидеть! Резко и уверенно нажимаю на ручку, дверь поддается, будто меня тут ждали. Хотя, почему будто? Тот, кто присылал сообщения, точно хотел, чтобы я сполна насладились шоу. Кто? Та блондинка с фото – его любовница?

Вхожу и тихо захопываю за собой, а до ушей в тот же миг достигает целая гамма звуков. Морщусь от фальшивых ноток удовольствия чересчур шумной девицы. Она явно переигрывает!

Нелегко переступить через порог, как и через себя, но вынуждаю сделать уверенный шаг в спальню.

Свет внутри не горит, нащупываю на стене выключатель и клацаю по нему. Комната заливается мягким желтым светом, пугая любовников на кровати, как тараканов. Плохо, что не разбегаются в стороны, а жмутся друг к другу, как пойманные подростки родителями.

Сашка заметно напрягает спину после протяжного «о-о-о-й» его любовницы. Это точно он, его спину и темную макушку узнаю из тысячи. Та же россыпь родинок на плечах, крестик, небрежно скинутый на спину, видимо, чтобы не бил бессовестную девицу прямо в лоб. Она прячет лицо, видно лишь светлые волосы, что волнами рассыпались по смятым подушкам.

На ней и в ней сейчас мой муж! Тот, с кем я прожила, как мне думалось, счастливые десять лет жизни, ни смотря на мелкие неурядицы. Тот, ради кого я из кожи вот лезла в работе. Тот, ради кого я, закрывая глаза и уши, растила его дочь, пока он зарабатывал деньги.

Наконец, муж соскальзывает с любовницы, откатывается в сторону и сразу кутается в тонкое одеяло. Прикрывает себя, но в глаза не смотрит. Стыдно тебе, козлина морда?!

Блондинка хоть и ныряет с головой в собственное одеяло, но я успеваю разглядеть нахалку – его незаменимая молоденькая секретарша Виктория.

Собственно, картина маслом – измена на лицо. С иронией усмехаюсь и качаю головой, потому что злюсь на себя в эту минуту. На собственную тупость и излишнюю доверчивость. Мне всегда казалось, что те жены, что лезут в телефонах мужей и ставят под сомнение каждый его поздний приход домой – инфантильными. Ну или просто недоверчивыми дурочками, не уважающими своего любимого. Но теперь... сама себе кажусь незрелой дурочкой. Ну как можно было в серьез поверить, что ресторанные посиделки «без галстуков» длятся едва не всю ночь! А ведь я реально верила и... сама охотно на них отпускала Сашку. Так сколько же раз он мне уже... изменил?

Я не кричу на мужа. Не пытаюсь даже вцепиться с остервенением пальцами секретарше в волосы. Нет сил и смысла. Просто улыбаюсь сквозь дикую боль на душе, хотя там уже кто-то озверело размахивает кухонным молотком, отбивая внутренности и превращая их в отбивную. С особой жестокостью уделяет внимание душе и сердцу, чтобы наверняка.

Как ни странно, внутри меня оглушающая тишина, как после взрыва: уши звенят, а мир перед глазами рассыпается на мелкие осколки. Я разбита и растоптана, унижена! Но все еще пытаюсь держать лицо, хотя бы ради собственной гордости.

– Мира, – прорывается сквозь вату в ушах идеально ровный голос мужа. – Это ничего не значит.

Отмахивается, будто я его не за изменой застала, а вытасила из подпольного казино, где он проиграл весь наш бизнес.

Усмехаюсь сквозь адскую муку. Губы дрожат, но усмешка выглядит идеально отточенной, ведь я уже натренировала ее в себе за долгие годы.

Саша даже не оправдывается, хотя, правда, какой в этом толк? Все же очевидно!

– Для твоей секретарши *это*, – последнее слово особо подчеркиваю, кивая на любовницу, – тоже ничего не значит?

Она резко дергается под одеялом, но все равно не вылезает из укрытия. Будто снаружи бомбы летят, а девица нашла для себя идеальное бомбоубежище.

Замечаю, как муж открывает рот, но сразу затыкается. Да с такой силой поджимает губы, что они белеют. Так и молчим некоторое время, потому что тут слова лишние. Конечно, можно орать, ругаться, истерить как ненормальной, но, а смысл?! Распыляться ради чего?

Киваю, но не ему, а самой себе. Просто чтобы не разлететься на атомы прямо посреди места преступления. Да я тупо сгорела изнутри, словно кто-то бросил мне в душу непотушенный окурок. Чувствую, как боль от предательства уже режет глаза слезами, но спешно моргаю. Нельзя унижаться! Не при них!

Не хочу ничего говорить больше, горло сжимает и жжет, как при ангине. Да и глаза все еще слезятся, ведь мне не все равно, как могло бы показаться на первый взгляд. Внутри меня уже во всю рыдает маленькая и наивная девочка Мира, которую только что выбросили за борт собственной жизни.

Тем не менее, слушать «оправдания» мужа нет никаких моральных сил. Это выше меня! Ничего не значит? То есть, мне сейчас просто вернуться домой, лечь в кровать, а завтра проснуться утром и сделать вид, что лишь приснился дурной сон? Если Сашка правда так думает, то он полный кретин. Или сказочный долбоящер! Потому что прощать измену, а уж тем более закрывать на нее глаза я не буду, пусть даже не мечтает!

Разворачиваюсь и уйду, громко стуча каблуками по ковровому покрытию отеля и плевать, если кого-то разбужу. Я сейчас как бомба замедленного действия – одно неверное движение и все вокруг рванет.

С каждым отдаляющимся шагом от отеля будто вырываю из себя кусок с мясом, потому что там за спиной остался мой брак. Моя жизнь. И моя... ошибка.

На улице прохладный ветер сразу наотмашь бьет в лицо, будто избавляя меня от запаха предательства, которым пропахла та комната, но вместе с тем холодом обжигает до кости. Леденею, как Снежная королева и замораживаю собственное сердце. Неужели меня... предали? Все еще не верю, может, дурной сон?

На улице темно, лишь фонари подсвечивают путь, но я иду, не разбирая дороги.

Куда мне теперь, домой? Нет. Там *его* одежда, любимая кружка на кухне, наша постель, что еще хранит общий запах.

Там слишком много *нас*, чтобы я не сбрендила хотя бы час в родных стенах. Нет, не могу! Поэтому иду куда глаза глядят. Каблуки отбивают гулкую дробь по асфальту, напоминая барабанную партию моего собственного похоронного марша. Кажется, что весь город замер, а у меня чит-код на прохождение этого уровня. Вот только не я убила босса, а он меня. Изменой...

Нахожу лавочку неподалеку от остановки, устало падаю на нее и сразу ломаюсь. Как бы ни пыталась удержать в себе рыдания, но они прорываются сквозь толстую броню. Плачу надрывно, не скрывая больше эмоций, ведь все равно рядом никого. Меня трясет как при лихорадке, слезы градом капают с глаз, а в голове крутится одна единственная фраза: «Это ничего не значит».

Господи, если для Сашки раздвигать чужие ноги в гостиничном номере – это ничего не значит, то у нас с ним точно разные мысли на этот счет.

Сжимаю от нахлынувшей на мужа ярости ладони в кулаки так сильно, что ногти впиваются в кожу, отрезвляя мысли. За что он так со мной?! За годы верности и покорности? Какой же он все-таки... урод!

Боль в груди вдруг перестает быть безликой, она собирается в четкое решение. Жестокое, но единственное правильное.

Развод.

Глава 7

Не будет Сашке ни истерик, ни скандалов. Не разобью ни одной тарелки и даже не разорву в клочья постель. Сделаю все холодно и красиво, как выстрел в висок с глушителем.

Решено! Завтра утром я пойду к адвокату, возьму бумаги на развод и пошло все к черту! Пусть Саша оправдывается перед кем угодно, но не передо мной. Заодно и перед Никой найдет правильные слова, почему я ушла. Хотя... она первая, кто станцует ламбаду на костях нашего с Сашей брака.

– Дурочка, – выпаливаю сквозь слезы обиды, – думаешь, секретарша отца будет лучше меня?

Ответа нет, но я все равно всматриваюсь за горизонт. Боже, сколько я уже тут сижу?! Забавно, что рассвет встречаю такой: потрепанной, но не пьяной, как школьница после выпускного. Красиво, романтично, интригующе, но так жестоко для все еще тлеющей надежды в душе.

Очень глубоко внутри ковыряют сомнение, будто подлый червяк вгрызается в сочное яблоко. А что, если... действительно... ничего такого? Ведь многие так живут и...

Боже, Мира, ну что за бредовые мысли?! Мне бы сейчас поговорить с кем-то, выговориться и снова поплакать, чтобы окончательно успокоиться.

Достаю из сумочки мобильник – семь утра. Спит ли еще моя подруга? Не решаюсь ей позвонить, у Сони и без того проблем выше крыши. Сбрасываю ей сообщение с просьбой перезвонить мне, когда у нее найдется часок поболтать.

Встаю, отряхиваюсь от пыли. Жаль, что так же нельзя смахнуть с себя проблемы. Нахожу в заднем кармане сумки немного налички и ловлю такси. Сейчас, пока во мне еще бушует адреналин, нужно действовать!

Не еду ни домой, ни в офис. А иду напрямик к адвокату за заветными бумажками на развод. Прямо у двери стопорюсь. Сомнения прорываются, как трава сквозь асфальт. Все ли я делаю правильно? А как потом жить, где? Начинать все с нуля? В порыве страха от неопределенности дергаюсь назад, но натыкаюсь на кого-то спиной.

Резко оборачиваюсь и вижу перед собой уверенную деловую женщину. Она не позволяет мне сбежать, а нагло заталкивает в кабинет. Будто мысли читать умеет и знает все, что у меня произошло.

И я вдруг, смотря на нее, сдаюсь окончательно. Я же не домохозяйка, которая полностью зависит от денег мужа, так откуда эти спорные моменты?! Больше нет сомнений, да и измена Сашки лишь подкрепляет мою решимость.

Развод не будет легким, о чем и предупреждает адвокат, выслушав меня и задав дополнительные вопросы. В нашей семье слишком много неопределенности в плане нажитого имущества, но все равно беру бланки и заполняю. Ставлю сегодняшнюю дату и подпись. На Сашкину даже не надеюсь, но вдруг?

Ухожу из офиса почти без сил, будто заряд закончился. С неохотой возвращаюсь домой после обеда и меня встречает оглушающая тишина.

Ну, а чего ты ждала, Мира? Что Саша оборвет тебе телефон и станет искать по всему городу? Или что он будет стоять на коленях перед входом, лишь бы вымолить прощение?

Вообще, возвращался ли он вчера домой после... любовницы? Даже думать о ней противно, морщусь, как от острой зубной боли. Но все же вламываюсь в спальню и с губ срывается горький смешок. Постель не заправлена и смята так, как я ее оставила перед уходом поздней ночью. Сашка не ночевал дома! Он не вернулся, даже чтобы банально поговорить без посторонних ушей!

Как ни странно, но Вероники тоже нет в доме, хотя у нее уже должны были закончиться уроки. С тревогой, что поднялась из глубины, души достаю телефон и набираю ее номер. Как бы там ни было, она ребенок и точно не виновата в наших с Сашкой разборках.

Спустя долгие гудки, наконец, отвечает. Я уже привыкла, что Ника молчит в трубку и ждет, когда с ней первой заговорят. Боже, как же бесит!

– Ника, ты где? Уроки давно закончились.

Слышу смешок на том конце провода и непонятное перешептывание.

– Не кипишуй, я у Катьки чиллю.

Закатываю глаза, но постепенно успокаиваюсь. Катя – ее подруга и соседка по парте. Если правда у нее, то все нормально.

– Я не кипишую. Но ты бы хоть предупредила заранее, – бросаю ей чуть раздражительно, с упреком, а в ответ получаю порцию ехидства:

– Ой, начало-о-о-сь. Ты прям как моя училка, вечно с нотациями. Я не маленькая, чтобы сопли за мной подтирать!

Вздыхаю, просто чтобы не сорваться на одну нагло бунтующую взрослую малявку. Ей пятнадцать! Еще ребенок...

– Я волнуюсь, Ника.

И ведь реально, после ее ответа будто камень с души. А Вероника отмахивается, как от зудящего комара рано утром:

– Считай, что предупредила: я до вечера не приду, у нас туса. Все, у меня батарея садится.

И, даже не сказав «пока», сбрасывает вызов. С минуту просто пораженно смотрю на погасший смарт и качаю головой. Вот же маленькая бестия! Что ж, так даже лучше, мы с Сашей сможем поговорить без свидетелей. А разговор явно предстоит на повышенных тонах и вряд ли цензурный.

Усаживаюсь на диван и жду, хотя понимаю, что могу просидеть вот так еще очень долго. На всякий случай проверяю – сообщений, как и звонков от Сашки нет.

Лишь Соня спустя два часа моего глупого ожидания скидывает сообщение:

«Давай после девяти созвонимся, у меня завал».

Отсылаю ей «ок» и дальше сижу, как комп в режиме ожидания.

Долго ждать не приходится, блудливый кобель как никогда рано возвращается с работы. В шесть вечера, ну обалдеть! Прямо прилежный семьянин, если бы ни одно жирное «но».

– Дорогая, что у нас на ужин? Я дико голоден!

Слышу, как Сашка снимает обувь и босые ноги громко шлепают по дубовому паркету. Он спокоен, а меня уже трясет от негодования. Ужин? На ужин у нас, муженек, развод!

– Вероники дома нет? На гульки умчалась? – я молчу, поэтому он добавляет с хитрецей: – Что ж, так даже лучше, поужинаем в романтической обстановке. А затем... можем даже пошалить!

Едва зубами не скриплю от его нахальной самоуверенности, но все еще молчу. А муж тем временем ведет себя так, словно ничего не произошло вчера. Я же всеми силами призываю себя к спокойствию. Пошалить? Со своей курицей позже пошалишь, козлина!

– Мирка, ты где? – наконец, находит меня в гостиной.

Не Мирочка, не зайка или любимая, – Мирка. Будто корову в стойло загоняет! Впрочем, я сама ему позволяла так к себе обращаться долгое время.

Подходит вплотную сзади, кладет руки на плечи, я тут же с отвращением сбрасываю их с себя, как нечто грязное. Омерзительное до блевоты. Этими руками еще вчера ночью он бесстыдно лапал любовницу, а сейчас имеет наглость трогать ими меня?

– А это что? – замечает конверт формата А-4 на журнальном столике.

Хватает и достает оттуда документы. Не смотрю на изменщика мужа, но замечаю боковым зрением, как Сашка закипает все сильнее.

С ненавистью швыряет документы, бумага скользит по глянцевой поверхности и соскальзывает со стола. Падает на пол, а следом за ними туда же катится и моя десятилетняя семейная жизнь.

– Развод? – тянет с иронией, будто сегодня первое апреля, не придает значение документам. – Хватит ломать комедию, ничего криминального не произошло, мы все еще семья.

Хочу заорать во все горло: «Мы все еще семья? Что, правда?». Но сдерживаю порыв.

– Я хочу развод, – бросаю сухо и безэмоционально, как робот.

Даже смотрю четко перед собой, потому что в глаза изменщику не могу заглянуть. Да и нет там ничего, пусто! В его понимании ведь никакой измены не было, а он так, просто свой качан почесал!

– Какой, к чертям, развод? – громыхает на весь дом, прямо как раскат грома.

Над нами и, правда, будто тучи сгустились. Похоже, уже давно.

– Обычный, Саша, – выпаливаю со вздохом и, наконец, поворачиваю к нему голову. – Ты мне изменил.

Швыряю в лицо, как пощечину. И даже слышу звонкий звук, будто реально муж получил оплеуху.

Глава 8

Не психую, не злюсь. Просто... констатирую. Вчера уже пережила весь спектр эмоций, поэтому сегодня внутри меня штиль.

Муж поджимает губы, превращая их в две тонкие, обескровленные линии. Злится, судя по смерчу в глазах, но что поделаешь. Он сам выбрал путь и должен был просчитать риски перед тем, как запрыгнуть на секретаршу.

– Не будет никакого развода. Ты моя жена, Мира!

На зло мне поднимает документы и с не контролируемой злобой рвет на мелкие части, подбрасывает в воздух. Наблюдаю, как бумага парит снежком и медленно падает на пол. Ну, ладно. Возьму еще один образец, это не проблема. Настоящая проблема в том, что Саша не согласен. А значит, нас ждет судебная тяжба.

– Будет, – отрезаю с упрямством, и Сашку мигом прорывает, как дамбу.

– Ты никто без меня, ноль! Или надеешься, что я оставлю тебе хоть что-то после развода? Голой от меня уйдешь, еще и должна останешься!

Слова льются из его рта так же стремительно, как и вода с разрушенной дамбы. Меня тут же накрывает с головой и утаскивает камнем на дно от безнадежной перспективы. Но это всего лишь слова обиженного мужчины, адвокат уже озвучила мне ранее примерный вариант раздел имущества.

Поэтому громко смеюсь, аж до брызнувших слез, сбивая мужа с толку. Он забывается на миг, подхватывает мой смех, наверняка считая, что все произошедшее – прикол.

– Короче, Мира, – успокаивается первым и облегченно выдыхает, – шутка затянулась, идем ужинать.

Саша спешит уйти, но я выстреливаю словами прямо ему в спину:

– Твоя манипуляция не сработает, я знаю себе цену и все равно уйду.

Хоть с имуществом, хоть без, плевать.

Со зловещей ухмылкой он цокает языком и закатывает глаза. Уже по насмешливому выражению лица все понимаю. Слишком хорошо его знаю, гада!

– И какова она, твоя цена, дорогая?

Иронично. Едко. Будто я правда без него ноль. Жалкая тень. Не буду спорить, что доби-лась многого благодаря ему, но... я пахала как проклятая ради нашей сети клиник, в лепешку расшибалась, чтобы зарубежные компании работали с нашими лабораториями и брали к себе на профобучение сотрудников. Да я инвесторов вводила прямо из-под носа конкурентов! Кто еще при своем уме будет отдаваться работе на все триста процентов?

Пока я размышляла, муж будто подслушал мои мысли, подсуетился:

– Подумай хорошенько, мы нужны друг другу. Ну, какой развод? У нас бизнес, дочь, в конце концов. Давай так: клятвенно обещаю больше не допускать ошибок. Не дуйся, я все так же люблю тебя, ничего не изменилось. А та маленькая шалость пусть останется в прошлом.

– Маленькая шалость? – говорю и трагически смеюсь, недоверчиво покачивая головой.

– Надо было думать о бизнесе и дочери до того, как прыгать в кровать со своей секретаршей.

Рублю его словами, как топором кости. Ломаю безжалостно, потому что внутри меня внутренности кислотой выжигает. Мне больно от предательства и равнодушия Сашки, что аж душа в ключья рвется. Трясет всю, как при лихорадке, а он еще смеет говорить, что любит меня? Бред!

– Ну изменил разочек, так что теперь, перечеркнуть годы брака? – рывкает с упреком, будто это я виновата в его измене.

– Однажды я услышала фразу от подруги: «Изменяют либо много раз, либо ни разу». Так вот никогда бы не подумала, что испытаю ее на своей шкуре.

Сашка с запалом взмахивает руками и колко выплевывает, смотря прямо мне в глаза:
– Это та неудачница, что развелась с мажором и осталась голожопая?

От его саркастического смеха у меня больно царапает на сердце, будто снова из норы выползла дикая кошка. Кромсает там все, а я ее большая когтеточка. Проглатываю возмущения, потому что речь сейчас не о Соне. А о ее словах, сказанных с твердой решимостью мне пять лет назад. Все ее называли дурой, призывали подумать хорошенько, закрыть глаза на крошечную прихоть мужика. Мол, ну кто в наше время не гуляет налево?

Но, правда в том, что Соня упрямая и прямолинейная. Ушла с гордо поднятой головой, даже когда адвокат бывшего мужа оставил ее ни с чем. Не пала духом и продолжила жить дальше, только в мужиках разочаровалась окончательно.

– Хочешь повторить ее судьбу и укатить в глухое село крутить свиньям хвосты?

Пытается колоть меня язвительностью, как острым жалом пчелы, но меня таким не пронять. Я уже все решила в тот момент, когда увидела его на секретарше. Тем более, нечего спасать, давно пора было признать, что наш брак пал смертью храбрых. Дома нет тепла и уюта, спим мы в одной кровати как два соседа – целомудренно. Вероника меня и вовсе ни во что не ставит, считает собственной прислугой. Так ради чего? Бизнеса? Даже если Сашка каким-то чудом уволит с поста стратегического директора, я не пропаду!

Да, будет сложно и больно бросать то, во что вложила душу, но жить ради этого с изменщиком не буду! Да я лучше, как Соня, останусь с голой задницей. Пусть окружающие хоть тысячу раз скажут, что я больная – плевать.

Понимаю, что дальше разумного диалога не будет, встаю и ухожу, успеваю пройти каких-то жалких десять шагов. Теперь уже его слова летят мне пулей в спину и насквозь пробивают грудь:

– Ну и кому ты нужна, если родить не можешь? Тебе уже тридцать три, а не двадцать. Ты простроченный товар, Мирка!

Насмешливо, почти ликующе. Бьет прямо в цель, раня меня и вновь напоминая, что я поломанная кукла. Нет для нахала ответа, внутри и так творился хаос со вчерашней ночи, а воспоминания шестилетней давности буквально выворачивают наизнанку. И хоть колючая слеза успела скатиться по щеке, мой голос все еще тверд:

– Если я захочу родить, – выпаливаю равнодушно, пряча эмоции и запечатывая их на семь замков глубоко в себе. – То сделаю ЭКО.

Новая порция смеха разносится по дому так же стремительно, как отвратительные запахи сгоревшей выпечки. Почему я все еще стою и слушаю мужа?! Меня будто к полу гвоздями прибили, блин! И он издевательски продолжает добивать меня:

– Дай угадаю – ЭКО для Арсеньева?

– Что? – сощуриваюсь и просто... закрываю на секунду глаза от усталости. Тру пальцами переносицу. – При чем тут Арсеньев, боже...

Я говорила об ЭКО лично для себя, имея в виду донора из базы, но не смею поправлять Сашку, иначе услышу еще больше унижения в свой адрес. Хватит с меня на сегодня! Только муж нифига не отстает, жалит и дальше, будто видит в этом изощренное удовольствие:

– А ты думала, я ничего не узнаю, дорогая женушка? Да весь офис на ушах стоит! Строят предложения, почему это тебя конкурент до работы подвед. И заметь, я тебе ни слова не сказал, закрыл глаза и сделал вид, будто ничего не знаю. А ты на мою шалость взбеленилась сразу – развод! Ну считай, что мы квиты. Ты мне изменила, а я тебе.

Смеяться хочется от его «оправданий», но так и стою между коридором и гостиной со скрещенными на груди руками. Молчу, потому что нет подходящих слов. Арсеньева припелл, как удобно!

Но Сашка молчать не может, ему жизненно необходимо лидировать в спорах:

– Или, уходя от меня, ты в серьез надеешься заменить умершую жену Арсеньева? Так у меня для тебя плохие новости – он никого не видит в роли своей жены, о чем и распинался недавно в интервью.

Значит, Арсеньев одинок, поэтому он без проблем в тот день привез меня домой, ничего и никого не стесняясь. Хотя мог бы сразу в больницу! Но по какой-то причине не сделал этого.

– Знаешь, – говорю и широко ухмыляюсь, а Саша хмурится, – не изменяла я тебе, но после твоих нахальных слов аж зачесалось в одном месте запрыгнуть в койку Глебу. Саш, ну прими ты уже правду – я тебя застала на любовнице. Это все, конечная нашего брака.

Теперь точно ухожу – беру сумку, на автомате кидаю в нее ключи от дома и обуваюсь. Только и успеваю щелкнуть замком, как меня мигом отрывают от двери. Ледяные пальцы мужа с болью впиваются в нежную кожу на руке. Он намеренно причиняет мне боль, может, хочет образумить?

Оборачиваюсь к нему и швыряю взглядом упрек, пытаюсь оторвать от себя пальцы, но тщетно.

Глава 9

– Отпусти! – шиплю и царапаюсь, как кошка, но эффекта ноль.

Удерживает, гипнотизирует презрением, будто я реально виновата во всем, что с нами происходит. Дурно до потемнения перед глазами от Сашкиного взгляда, он будто кровью налился, еще никогда не видела мужа таким... яростным. Мелкая дрожь волной прокатывается по коже, но сохраняю видимое спокойствие и просто жду. Не провоцирую, потому что понятия не имею, с чем могу столкнуться. А Саша в реальности кипит: лицо побагровело, а поджатые с бешенством губы белее мела. Вены на шее вздуты, да и дышит урывками.

– Саш... – голос дрогнул, как и я сама, ведь не нашла слов.

– Только посмей выйти из дома и ты тру...

Он вовремя затыкается, и мы оба отшатываемся от двери в тот момент, когда Ника переступает порог дома. Музыка в ее наушниках на максимум, поэтому дочь шарахается в панике, замечая нас в замершими в углу. Застыли статуями, будто мы два героя игры в кальмара – одно неверное движение и смерть неминуема.

Дочь смотрит на нас с Сашей, шурится, явно не понимая, что происходит. Заостряет внимание на моей руке, которую ее отец удерживает, применяя силу. Ника удивленно моргает, стаскивая наушники на шею.

– А вы чё тут делаете?

– Иди в комнату, – почти рявкает Сашка и спешно добавляет: – Мы тут с твоей мамой сами разберемся.

На слове «мама» Ника морщится, но просьбу отца, если ее можно так назвать, выполняет безукоризненно.

Оба провожаем ее взглядом и, когда дверь в комнату с грохотом закрывается, я вздрагиваю.

Мысленно возвращаюсь на пять минут назад и буквально захлебываюсь в ярости, что уже течет ядом по венам. Что там муж хотел мне сказать? Если я выйду из дома, то я... труп?

Ну, нет! Угрозы – это перебор. Но, не успеваю ничего сказать, Сашка и мне команды раздает:

– А ты вали на кухню и готовь ужин, раз уж бездельничала все это время. И лучше бы тебе поторопиться!

Разум вмиг будто туманом обрастает, а тело переходит в режим автопилота. Осознаю, что происходит, лишь когда ушей касается звонкий звук пощечины, а ладонь ноет от удара.

Спешно моргаю, ведь перед глазами отчетливо встала пелена. Я... реально ударила Сашку? Да с такой силой, что расцарапала ему щеку обручалкой. Не чувствую ничего в этот момент: ни страха, ни вины, ни даже злости. Внутри тихо, будто я оглохла и перестала слышать звуки.

Шустро, пока Сашка все еще в немом оцепенении от моего поступка, снимаю кольцо и швыряю в мужа. Золото отскакивает от груди и с противным звяканьем падает на пол. Катится куда-то под... откос, как и моя жизнь, черт подери.

Убегаю из дома и так чертовски вовремя мимо проезжает пустое такси. Торможу его, спешно запрыгиваю в салон, мы сразу срываемся с места с оглушительным ревом. Вижу, как Сашка остался позади гневно размахивать руками, но мне плевать. Кажется, поганые поступки слишком превысили его лимит на сегодня. А кредит доверия резко упал к отметке минус пять.

– Куда едем? – уточняет водитель, а я понятия не имею, куда...

К родителям? Не хочу отвечать еще и на их бесконечные вопросы по типу: «а зачем» и «почему».

А своей квартиры у меня нет, ну как-то не додумалась раньше купить ее. Просто чтобы была на крайний случай. Дура! И что остается?

– В ближайший отель, – выпаливаю со вздохом, мужик только кивает в зеркало заднего вида.

Горько на душе, будто туда плюнули раз сто. Саша реально перешел все мысленные границы, показал себя с уродливой стороны! Еще и смел упрекать меня деньгами?!

А ведь, смешно, я реально ушла ни с чем, даже свои вещи не собрала, так и убежала, прихватив лишь сумочку с мобильником и кошельком. Смех по мимо воли срывается с губ, и я истерично хохочу на подрыве хреновых эмоций, не стесняясь водителя. Плевать, правда! Имею право! Меня только что цинично выбросили за борт в открытый океан без спасательной лодки. Барахтайся там теперь, Мира, и смотри не утони, пока будешь плыть к берегу!

Глеб

Отрываюсь от далеко не интересной беседы за столом ресторана и, сославшись на важный звонок, с облегчением покидаю закрытую вип зону.

Разговор совсем не важный, судя по тому, что звонят мне из сервиса друга. Но, тем не менее, принимаю вызов:

– Слушаю.

– Глеб Валерьевич, – пискляво тянет автомеханик, – тачка уже давно готова, но та дамочка что-то не спешит ее забирать.

– Какая тачка? – хмурюсь. – И при чем тут я до какой-то бабы?! – рывкаю в трубку, потому что уже и без того заведенный от пафоса внезапной встречи в ресторане.

И бедный паренек из сервиса Ромки ни за что получает словесных тумачков.

– Ну эта... как ее... ща! – чем-то гремит на заднем фоне и через минуту шокирует до вздыбленных волос на теле:

– Вот, она мне с ключами свою визитку сунула: Краевская Мирослава Анатольевна.

Фамилию специально «пролистываю», как неинтересный видос из тик-тока.

Мирослава...

Имя зацепляется в мозгу, как крючок в пасти рыбы. Секунду назад я был готов вырубить этот тупой звонок и вернуться к деловым лицемерам в зале, а теперь стою зависший, как старый комп.

Мирослава – грамотный специалист, у нее умная голова и креативная хватка, такую обязательно надо переманить к себе в холдинг любой ценой. И я правда пытался: сначала подсылал к ней «шестерок», ставил условия работы чуть ли не в минус себе. Позже, с легкой подачи сына и лично пытался провести ей заочное «собеседование», а она ни в какую! Ухватилась за Краевского и его «чернушную» сеть клиник, как за самое ценное в жизни. Муж! Да и похер, кто он ей, но ведь я бы не обидел должностью! Да ничем бы... не обидел.

Но если бы дело было только в работе... просто ею так удобно прикрывать собственные слабости!

Воспоминания отстреливают в голове патроном, и меня выбивает из колеи, возвращая в прошлое. Мы ведь мы с ней косвенно знакомы, просто Мира не помнит меня и не удивительно.

Лет семь назад, когда я возил жену по клиникам, мы как-то заехали в одну частную больницу на очередную консультацию. Я тогда был, мягко сказать, на грани нервного срыва – каждый новый вывод бил, как молот по затылку. И чтобы получить новую порцию удара без жены у дока в кабинете, мне пришлось оставить Ольгу одну в коридоре на скамейке. Люди шарахались от нее, будто от заразной, я уже привык к такому. Ведь ее внешний вид из-за прогрессирующей онкологии оставлял желать лучшего. Но в тот день, выйдя от врача я... шокировано остолбенел.

Рядом с женой сидела молоденькая девушка и без омерзения держала Ольгу за руку. Шутила, рассказывая что-то смешное, лишь бы моя жена не плакала. Как только я подошел к ним, девушка подняла глаза и на секунду встретилась взглядом со мной. Всего мгновение, но, клянусь, что увидел там целую лекцию ободрения и уважения для меня.

– Это Мирослава, – хрипло и почти без сил представила ее Оля. – А это Глеб, мой муж.

Потратила едва не последние силы, но улыбка жены, что засияла на бледных губах, запомнилась мне надолго. В тот момент даже дышать стало легче, будто кто-то раскрыл грудную клетку, как окно на проветривание.

Пустяковая сцена. Мира наверняка даже не вспомнит ее. Для меня же она значила слишком много. Я тогда ехал домой и впервые за долгое время не чувствовал, что проваливаюсь в бездну. Это ощущение запомнилось на долгие годы, позволяя держаться на плаву. И вот сейчас, когда снова слышу знакомое имя, внутри будто цветы распускаются на некогда выжженной земле.

С тех пор жизнь прошла по мне катком: жены вскоре не стало, болезнь сожрала ее быстро и жестоко. Я закрылся в себе, с головой окунулся в работу, а Илюху растил без матери. Как мог, отдавая ему всего себя. Думаю, воспитал сносно: оценки хорошие, поведение правда дрянное, но это ж пацан, все мы чудили в молодости.

И кто бы мог подумать неделю назад, что я снова столкнусь с отголосками прошлого. Мирославу я узнал не сразу, хотя мой юный следопыт каким-то образом, как же он там сказал...

– Бать, пока ты ехал, я на нее инфу нарыскал. Глянь!

Глава 10

Ну я и глянул одним глазком – Мирослава Краевская. Жена, мать, бизнес-леди и блабла. Как он находит информацию, имя под рукой только смартфон? Впрочем, без разницы.

У меня не было времени рассматривать женщину, сразу забрал ее от греха и тупых зеваяк, уложил на заднее сиденье джипа. Все это не имело для меня никакой ценности ровно до того момента, пока Илья не сунул под нос ее фото из соцсети. Да я едва зад машины не «поцеловал» от секундного ступора. Она! Та самая, что много лет назад подарила мне прощальную улыбку жены. Мирослава. А позже сошелся еще один пазл в голове – это же ее я так усердно пытался заполучить себе в холдинг! Вот чудеса!

Сразу отпал вариант вести Миру больницу, но дома сын издевательски напомнил мне, что она Краевская. Чужая жена, между прочим! Не лучший выбор мужа, судя из того, что я знаю об Алесандре Краевском, но кто я такой, чтобы раздавать непрошенные советы?

– Глеб Валериевич? – напоминает о себе парнишка и я спешно мотаю головой, чтобы прогнать воспоминания. – Я звонил ей, но там телефон выключен.

– Понял. Разберусь, – бубню в трубку и сбрасываю вызов.

Как я разберусь, понятия не имею. Ну, не может же Мирослава забыть про свою тачку?! Завтра сама им позвонит, а я умываю руки. Хватит и того, что ей бесплатно сделали полное ТО по моей просьбе.

Разворачиваюсь, тяжело вздыхаю и иду обратно к вип залу. Там эти придурки уже наверняка спорят, кто из них умнее вложил в недвижимость, а мне снова изображать заинтересованность.

Но на полпути торможу. Так, стоп, глюки?

Полностью разворачиваюсь и впииваюсь заинтересованным взглядом в... Мирославу, чтоб ее, Краевскую!

Сидит за столиком в зале для «простых смертных», хотя он ей совершенно не подходит по статусу. И я бы ушел, но замечаю рядом двух типов примерно ее же возраста. Не нравятся они мне с первого взгляда: смех у одного уж больно наигранный, жесткий, а второй локти Мирославе на стул сзади ставит и медленно наклоняется, будто в ловушку заключить собирается.

А она явно уставшая и держит бокал строго перед собой, будто хочет спрятаться за ним.

Черт! Внутри дергаются инстинкты, как у пса, у которого на глазах пытаются обижать хозяина. И я как тот долбаный пес, иду к «хозяйке» на выручку.

Без колебаний или сомнений, будто там мою женщину оскорбляют, черт подери. Одного моего бешеного взгляда хватает, чтобы мужики разом стухли и слились. Один даже стул зацепил от страха, хватаю его вовремя и замечаю нечто, что совершенно не вяжется в мозгу. Мира смотрит на меня, моргает, щурится, а в глазах уже сверкает мутный блеск. Все ясно – перебрала.

Ехидство так и рвется с языка, но в последний момент меня словно кто-то невидимый лупит по губам. Мигом исправляюсь:

– Не против, если я присоединюсь?

Она кивает с улыбкой, фокусируя на мне мутный взгляд. Сажусь и вижу целый чертов калейдоскоп, от которого самому становится не по себе. Смотрит на меня с неподдельным отчаянием, что внутри мгновенно сердце в кулак сжимает. Не глаза, а чертово зеркало ада! Там сразу все: боль, как будто ей сердце вырвали и сапогом по нему прошлись. Злость и обида, да такая густая, что хоть ложкой жри. И поверх этого всего гребаная улыбка. Красивая, пра-

вильная, как на фото для журнала, только фальшивая насквозь. Женщина улыбается, но душа у нее орет так, что в зале скоро стекла треснут.

Я вижу, как предательские слезы висают на ресницах, но Мира не даст им упасть, держится до последнего, как боец на ринге, которому давно пора в нокаут.

Меня будто молнией шарахает: злюсь до чертиков и чувствую, как кулаки чешутся от желания почесать их об уroda, который довел Миру до такого состояния. Буквально горю изнутри праведным гневом, он отчаянно ищет выход. Сам себя не понимаю в это мгновение, но просто...

Смотрю на нее, потухшую и печальную, как на сломанную куклу. Какой же идиот мог угробить женщину, в которой раньше было столько огня, что хватило бы полгорода осветить?

Сижу тихонько рядом и даже дышать боюсь. Предо мной не просто баба, что от нефиг делать перебрала. А женщина, у которой явно мир разлетелся на осколки.

Хочу рывкнуть, встряхнуть ее, чтобы и думать забыла о проблемах, но вместо этого только сжимаю зубы и подсаживаюсь чуть ближе. Забираю бутылку, взмахом руки прошу официантку унести нахрен с глаз Миров. Ну куда ей еще пить? Уже и так чересчур навеселе, а ночью ой как не сладко придется...

Она щурится на мои действия, будто мысленно не соглашается со мной. Удерживает бокал двумя руками, как ребенок чашку какао, и вдруг забавно хихикает:

– О! Я вас узнала... это же вы... ну тот... этот... – небрежно взмахивает рукой, едва не разливая на себя красную жидкость.

Просто закатываю глаза и в который раз проглатываю ругательство. Алкоголь проблемы не решит! Знаю по себе, прошел уже этот хреновый путь.

– Глеб, – бурчу, но губы искривляются в улыбке. – И тебе уже хватит, Мирослава.

Она делает трагически-важный вид, и я уже готов к протесту, но выстреливает вдруг в меня словами, как из водного пистолета:

– Мирослава Анатольевна! – и сразу снова прыскает смехом. – Я тут, между прочим, праздную свою свободу.

Улыбается, хохочет, будто ей реально весело, но в глазах по-прежнему океан боли. Хм, свободу? Что б это могло значить? Не мог же ее Краевский бросить, это нереально, нужно быть полным кретином! Но, если так...

Стискаю под столом пальцы в кулаки и ловлю себя на том, что с каждой пьяной фразой Миров все сильнее закипаю. Ну, реально, кто еще мог обидеть ее кроме мужа?! Дегенерат конченный, других слов для него нету в моем лексиконе! Зато есть парочка эпитетов куда похлеще, но проглатываю их.

Мира снова набрасывается на бокал: пьет жадно, быстро, как если бы в бокале была целительная вода, а не крепкий напиток.

– Прекращай пить, – повторяю уже жестче.

– Ладно-ладно, – послушно машет рукой и отставляет от себя бокал. – Щас... распластимся и... домой.

Покорно жду, как надежный телохранитель, ловлю каждое движение, даже взмах ресниц. Официантка подходит к нам с терминалом, с дежурной улыбкой забирает набережно протянутую ей Мирой карту.

– Я сегодня угощаю! – пьяно лепечет и прыскает смехом.

Сам лениво улыбаюсь, потому что предо мной словно второй Илья сидит в девичьем облике и капризничает. Игривость к лицу Мирославе, она расслаблена и улыбочива, беззаботна несмотря ни на что.

– Простите, но карта заблокирована, – нахально врываются в мозг брезгливые слова официантки.

Не успеваю поставить нахалку на место.

– Ах, точно! Сашка ее заблокировал еще утром, – подмигивает мне и хохочет, словно анекдот рассказала.

Что тут, черт подери, происходит?! Я едва не рычу в гнев, но сдерживаюсь. Не то место, чтобы вытряхивать правду. И не то время – Мира неадекват!

Пропускаю между ушей эпитеты, которыми она щедро посыпает всех мужиков на свете, будто сахарной пудрой кекс. Сам оплачиваю счет и в спешке подскакиваю.

Рядом с Мирой губительно настолько, что забываюсь на миг. Тепло от женского тела даже на расстоянии согревает меня и держит в тонусе, искушая ванильным ароматом, источаемым женским телом, будто гребанные феромоны пускает в ход простив слабого мужика. Чуть отшатываюсь, инстинкты молотом лупят в голову, что готов закинуть сладкую малышку на плечо и утащить в собственную берлогу.

– Вставай, – произношу твердо, на что у Мира нет шансов отказать.

Она послушно поднимается, но случайно цепляется за стол, лишь чудом не падает. Трясется, то ли от смеха, то ли от шаткости положения. Честно, я пытался держать дистанцию, но...

Ноги не слушают хозяйку, Мирослава спотыкается на ровном месте и мгновенно хватается за мою рубашку обеими руками, да так цепко, как за поручень в метро. Мы слишком близко, ощущаю горячее дыхание на губах. Миг... глаза в глаза... в которых четко вижу слезную мольбу: «Спаси меня!». Еле сглатываю, пытаюсь разорвать зрительный контакт, от которого в прямом смысле искрит, но Мира хватко держит меня и не только за рубашку. Будто в душу ноготками вцепилась и держится так отчаянно, словно висит над краем пропасти. Эмоционально оголяется предо мной, когда одинокая слезинка все же скатывается по щеке.

Ай, к черту все! Приобнимаю ее и утаскиваю чужую жену из ресторана под офигевшими взглядами посетителей.

Глава 11

Возле тачки дышу урывками, но сладкий запах ванили коварно пробирается под кожу, и я пропитываюсь им насквозь, как сухой бисквит сиропом.

Скольжу руками по тонкой талии и мгновенно крышу сносит от того, как Мира в порыве злости бьет меня по руке ладошкой. Тянет с притворной яростью:

– Но-но! Руки про-о-о-чь!

Взбудораживаюсь какого-то черта, будто включаюсь в интимную игру. Завожусь по щелчку пальцев, чего со мной давно не случалось. А я всего-то прикоснулся к ее талии обеими руками, чтобы усадить неугомонную женщину в машину! Мотая головой и прогоняя слишком жаркие картинки, спешно отрываю дверь. Мира совсем не осторожно проскальзывает в салон, плюхается на заднем сидении и ей явно весело. В то время как я скриплю зубами от неудовлетворения. Да что за фигня?! Арсеньев, тебе баб мало?! Ну куда ты смотришь? Замужем она, так что остынь, старый хрен!

Даю себе ровно минуту, чтобы остыть и только после прыгаю в тачку.

– Ну и куда тебя вести? – спрашиваю скорее риторически, не ожидая внятного ответа.

– В отель! – бросает с вызовом, на что я просто закатываю глаза. – Из которого меня выгнали утром, – добавляет хитро и хихикает, как дурочка. – Сашка заблочил все мои карты, говнюк... Мне некуда... идти.

Последнее вырвалось тихо и едва различимо, но я будто настроен на волну Мира, поэтому слышу ее слова четко и ясно.

Буквально вжимаюсь в сидение, до боли стискивая руль, ведь что-то тут не так. Не спешу с выводами, а просто жду.

Минута... две... пять...

Не выдерживаю резко и оборачиваюсь. Мира разулась и, подтянув к себе колени, уперлась в них лицом. Сидит, как мышка, даже шелохнуться не смеет. Спряталась от проблем? Не разумно, но даю ей эту минуту на слабость.

И в который раз за вечер во мне вспыхивает яркое желание вытрясти душу из Краевского. С хера ли он заблокировал жене карты? Вспоминаю, как она поливала грязью еще в ресторане мужиков и осознание накрывает меня, как тяжелым одеялом – с головой.

Бросил? Изменил? Если так, то он полный кретин! И жестко ухмыляюсь, но про себя, незачем показывать, насколько меня радует его кобелиная натура. Потерять сейчас для Краевского Мирославу непозволительная роскошь, но я прямо горю изнутри, настолько хочу, чтобы они и правда разошлись. И дело не только в бизнесе, а в моральном принципе. Думаю, Мирослава заслуживает себе мужика получше Краевского.

Тебя, что ли? А нахрена ты ей, старый пень?!

Если информация, которую нашел Илья – правдива, то Мирославе тридцать три, а мне уже сорок три. Пенсия не за горами, а мне бес в ребро...

– Все карты на его имя, – лепечет вдруг, отвлекая меня от мыслей и сразу же словно оправдывает собственную глупость, – это ведь логично, что все общее, у меня и мысли не возникало, будто вот так произойдет однажды... верила ему...

Снова умолкает, стесняется говорить или боится, а мне уже плевать на Краевского с высокой колокольни. Просрал ты, Саня, и жену, и партнера по бизнесу. Хоть и знаю Миру всего ничего, больше по слухам о ней инфу собирал крупными, но почему-то есть ощущение, что не простит она мужу такой финт ушами. А ведь расчет говнюка банально прост – отрезать кислород, чтобы жена сама к нему приползла. Причем за тем, что и так ей принадлежит! Он «умно» поступил с самого начала, карты на себя оформил, наверняка и бизнес не его, а матери, например. Ох, Мира, если надумаешь развестись, думаю, и делить у вас там нечего, уйдешь

ни с чем. Слишком уж Краевский скользкий тип, знаю это не по наслышке. И грязное ведение бизнеса тому подтверждение. Знаешь ли ты, малышка, что творится у тебя под носом? Надеюсь, что нет.

Не спрашивая больше ничего, завожу тачку и забираю Мирославу себе. Пусть на одну ночь, но в голове уже строю далеко идущие планы.

Мирослава

Сквозь адскую головную боль и тошноту в сознание прорываются странные звуки. Бьют молотком по черепушке, что хочется взвыть. Да что там происходит? Ника на кухне тарелками гремит? Или Саша? Хотя, с чего бы им?

С трудом, но все же разлепляю сухие глаза и свет с окна сразу режет их беспощадно, что снова зажмуриваюсь со стоном.

А затем память издевательски возвращает меня в жестокую реальность. Сашка, измена, бумаги на развод.

Так, стоп! Все же разлепляю глаза и присматриваюсь к интерьеру комнаты. Не отель, ведь меня оттуда выперли утром, потому что не смогла расплатиться за номер. Медленно, но болезненно вспоминаю, как я со страхом давала одну за другой карты и все они в итоге оказались заблокированы. Спасибо девушке за стойкой, что хотя бы отпустила меня, а не вызвала полицию. Говнюк! Какой же ты, Саша, гнилой ублюдок, слов просто нет!

Да, я дура, раз много лет назад позволила мужу оформить все свои карты на его имя. Не могу сейчас припомнить, почему так вышло, но что-то связанное с нашим бизнесом. Я не стала вникать в суть, деньги приходили исправно, тратить я их могла, куда душе вздумается. До вчерашнего дня...

Просто повезло, что неделю назад я сняла наличку, остатком расплатилась за номер и ушла из отеля, чтобы не позорится еще сильнее.

Что потом? Потом, кажется, я окончательно сломалась. Сашка целый день обрывал телефон, пришлось выключить его, я тупо не желала с ним говорить. О чем? Снова ругаться? И так понятно, что карты он мне бы не разблокировал, потому что они средство манипуляции.

Так, ладно... что потом было? Кажется, я гуляла по городу до вечера и набрела на ресторан. Выпила немного... и дальше, как в тумане...

– Где я, черт подери?

Вижу, что на мне вчерашний костюм и выдыхаю. Значит, не все так уж печально, как могло быть. Отчаянно тру виски, пытаюсь вспомнить подробности и кое-что прорывается сквозь плотный туман похмелья.

– Я правда была с Арсеньевым? – спрашиваю риторически и снова осматриваю спальню.

Обычная комната: кровать, шкаф, плазма на стене. Пастельные тона, ничего лишнего или кричащего.

Логических мыслей нет, есть только капля стыда и отвращение к самой себе. Кажется, вчера я слишком раскисла и выдала больше, чем хотелось бы. Точно припоминаю, как в машине прорыдала Глебу, что мне некуда идти. И он правда принял решение оставить меня у себя дома на ночь? Какая ирония!

Все же сползаю с кровати и выхожу из комнаты, даже не взглянув на себя в зеркало. Тянусь, как зомби, на живительный аромат кофе. Полцарства за кофе готова отдать, боже!

Узнаю лестницу и гостиную, безошибочно оказываюсь на кухне. Встречаемся взглядом с горе-киллером, он от неожиданности аж бутербродом давится. Нервно закашливается и спешно запивает чаем.

Я же вздыхаю. Как-то некрасиво, что ли, появляться перед ним вот так... Чувствую себя сейчас как одна из любовниц его бати, хочу оправдаться, но слова застревают в горле, что тут можно сказать? Дурацкая ситуация!

Я и сама не помню, как оказалась в доме Глеба.

– Теть... – вижу, что Илья сдерживает себя изо всех сил, но ребенок не выдерживает и срывается на дикий хохот. – Ну и видок... у вас... про-ро-сти-те...

Ржет как конь, а я морщусь, потому что голова квадратная с похмелья и каждый звук по ней проходится не хуже дрели. Все же киллер заражает и меня весельем, улыбаюсь ему, но улавливаю мельком свое отражение в отполированном металле холодильника.

Дергаюсь в испуге, будто призрака там увидела. Боже, кто ты, женщина, сгинь с глаз долой!

Присматриваюсь: туш потекла, тени размазались и засохли уродливыми пятнами по лицу, волосы и вовсе как после взрыва на макаронной фабрике. Да Илья еще мягко выразился.

– Где ванная комната? – выдавливаю из себя как можно невозмутимее.

И, когда мальчик указывает пальцем направление, за секунду скрываюсь там.

Пулей влетаю в ванную, как в спасительный бункер, и уже мечтаю облить лицо холодной водой, чтобы скорее стереть с себя весь этот макияжный апокалипсис. Но... судьба любит пошутить надо мной.

Ну вот, казалось бы, откуда взяться подставе? Но говнюк-киллер таки подложил мне свинью. Жирную... нет, ладно, погорячилась. Не жирную. Стройную, мощную и твердую, как скала. Влажную, распаренную...

Встречаемся взглядом с Арсеньевым и оба замираем в неверии.

Глава 12

Бессовестно скольжу по нем жадным взглядом, стопорюсь на полотенце, что совсем не надежно удерживается на бедрах. Глеб только из душа: волосы еще влажные, а капельки воды медленно стекают по груди и идеальному прессу, ныряя в полотенце.

И я, затаив дыхание, скольжу глазами вместе с каплями, как под чарами фокусника. Буквально пожираю глазами, будто полуголых мужиков лет сто не видела.

Да ладно, это вообще законно так выглядеть? Сашка моложе лет на пять и то кожа дряблая, провисшая в некоторых местах. Но Арсеньев стоит тут предо мной, как модель для рекламы фитнес-зала – сражает наповал.

Моргаю и запоздало понимаю, что тупо тарашусь, как кошка на аквариум с золотыми рыбками. Но не могу, черт возьми, заставить себя даже пинками отвести взгляд. Слишком уж притягивает, интригует до мушек женское любопытство.

Глеб вскидывает бровь, и его ухмылка кажется мне наглой до безобразия.

– Все успела рассмотреть или пойдём ва-банк? – лениво тянет, но с хрипотцой, от которой непроизвольно подкашиваются коленки.

Не успеваю за словами, но замечаю, как его пальцы тянутся к краю полотенца и тут же загораюсь похлеще любой девственницы. Ну, нет... это уже перебор!

Хотя, а почему, собственно, нет?

Блин, Мира! Мозги собери и заодно раскисшую себя соскреби с пола!

– Я... вообще-то... в ванную пришла, – то ли все еще не отрезвела, то ли совсем за ночь отупела.

Каждый раз теряюсь при Арсеньеве какого-то черта. Ох, Илья! Услужил так услужил, маленький говнюк. Ремень по тебе плачет, горе-киллер!

– Ну, технически, – ленивая улыбка сбивает с мысли, но я концентрируюсь на разговоре, пока Глеб поправляет полотенце на бедрах, – я пришел сюда первым.

Первым... Пришел... О чем мы?

Меня будто током бьет от осознания ситуации, а щеки горят так, что их можно использовать вместо утюга. В голове ни одной здоровой мысли, только пошлые. Нет, ну, вот правду говорю, у меня на снимке МРТ Савельев что-то пропустил!

Наконец, мозговая система полностью «загружается» и появляется четкость мысли.

– Вон из ванны! – команду громко и уверенно, словно сержант, у которого распоясались солдаты.

Глеб и с места не двигается, поэтому толкаю его в спину и выпихиваю из ванной комнаты, сразу запираюсь.

И в тот же миг из коридора доносится дикий смех. Громкий, заразительный, такой... домашний, что сама улыбаюсь, как дурочка.

Нет, ну, это какой-то ненормальный сон! Может, я все еще сплю? Щипаю себя слишком больно, что аж айкаю. Ничего не меняется: я в ванной и... только что выставила хозяина дома в одном полотенце за дверь. Вопиющая дерзость...

Как и в принципе тот факт, что я вообще ночевала в доме чужого мужчины, когда все еще замужем. Хотя, какая теперь разница? Мне нет смысла держаться за моральные принципы, ведь Саша ими давно побрезговал. Не верю, будто тот раз в отеле был единственный. Да и

вспоминаю, что мне уже приходили сообщения, просто по дурацкой случайности я их прошелкала и благополучно забыла.

– Если хочешь в душ, – доносится крик Глеба сквозь дверь, – чистое полотенце лежит на полке возле зеркала.

Сразу скольжу взглядом и нахожу стопку разных полотенец. Заодно цепляю свое отражение в зеркале и громко хмыкаю. Впиваюсь пальцами в край ванны и наклоняюсь ближе, замечая, что на дне зрачков горит блеск, который я давно уже не видела в своих глазах.

Я что, невольно стала героиней романтического сериала? Только вид у меня... как у потрепанного ежика после урагана. И Глеб из головы не вылезает, засел там и присосался, как пиявка.

Он был такой уютный и домашний, что на секунду мозг закоротило и фантазия превратилась в реальность. Другой муж – заботливый и веселый. Другой ребенок – обожающий и уважающий меня. Другая семья – любящая, искренняя, настоящая. С посиделками у камина холодными вечерами и собакой. Елкой в Новый год и кучей подарков под ней.

Но все это мираж в больном подсознании, мой муж все еще Саша, а ребенок... мой ребенок умер на двадцатой неделе беременности, забрав с собой большую часть души.

Трясу головой и возвращаюсь мыслями в настоящее.

– У тебя тяжелый развод на носу, Мира, а ты цепляешься за глупые фантазии? – говорю отражению, словно лекцию морали собственному клону читаю.

Шагаю в душ и наказываю себя ледяной водой за каплю фривольности. Глеб – холостяк и бабник, так какого фига я насильно натягиваю на него роль семьянина?

В ванной комнате задерживаюсь слишком долго, я в полном раздрае и без логических мыслей в голове. Такое ощущение, что в мою правильную систему внедрили троянский вирус. И он ломает идеальную структуру, вписывая в систему полнейший хаос. И имя этому вирусу – Глеб Арсеньев. Как мне с ним себя вести теперь? Что говорить?

Вздыхаю и выхожу, нет смысла больше прятаться, пора столкнуться с реальностью лицом к лицу.

Илья уже нет на кухне, зато его место занял батя. К счастью, одетый, с планшетом в одной руке и чашкой кофе в другой. Подхожу не смело с другой стороны, где уже стоит чашка кофе, молочник и сахарница. А также бутерброды, но у меня совершенно нет аппетита.

– Присаживайся, – велит мне, не отрывая взгляд от планшета. – Перекуси, если есть аппетит.

– Нет, спасибо. Я только ко...

Не успела договорить, как у меня нахально умыкнули чашку прямо перед носом. Только и успела поднять руку, она так и зависла в воздухе.

Сощуриваюсь, буравя Глеба откровенным укором, а он машет головой с ленивой ухмылкой. Ну что за мужик! Сам же предложил мне перекусить, а теперь кофе зажал?

– Не пей кофе на голодный желудок, – поясняет мне, как маленькой. – Съешь бутерброд сначала.

Я же отмахиваюсь от глупой заботы:

– А я хочу кофе! – парирую и пыхчу, пока сверлю взглядом живительную черную жижу в кристально белой чашке.

– Ми-ра, – смакует имя, словно леденец перекатывает на языке. – Илья редко проявляет заботу, но ради тебя сделал аж четыре полноценных бутерброда перед тем, как уйти в школу.

Вздрагиваю от теплоты в голосе и теряюсь на секунду. Гляжу в синеву его глаз и меня будто в транс вводят. Снова в голову лезут дурные мысли о другой семье, но это лишь поломанные картинки системы с вирусом.

– Зачем? – выпаливаю и реально понять не могу, что происходит в стенах этого дома.

Меня что, взяли в оборот? Да ну нет, бред какой-то! Тем не менее, улыбка, что озаряет лицоGLEBA, напрочь выбивает твердую почву под ногами. И меня реально покачивает, что аж хватаюсь пальцами за край стола.

Вместо ответа, Арсеньев пожимает плечами. Неловко становится до мурашек по коже, но как под гипнозом тянусь к бутерброду и беру один. Кусаю, жую спешно, хотя аппетита по-прежнему ноль.

– Вот и умница, – констатирует Глеб, откладывая планшет.

Пододвигает ко мне чашку с кофе, и я хватаю ее цепко, сразу делаю жадный глоток. Можно сказать, топлю в чашке собственную неловкость.

Мужчина уходит буквально на пару минут, за это время успеваю доесть остаток бутерброда. И хорошо, что я прожевала, иначе бы подавилась!

Потому что уже в следующую секунду на столе рядом со мной оказывается коробка с последней моделью айфона.

– Это тебе, – снова усаживаясь за стол, Глеб указывает подбородком на коробку.

– У меня есть телефон... – выпаливаю и кручу головой, выискивая сумочку. – Где мои вещи? – дежавю снова слетает с губ, но в этот раз ситуация меняется.

– Свой телефон ты вчера выкинула из окна машины, пока мы ехали домой.

Последнее слово особенно подчеркивает, чего я совершенно не понимаю.

Как и не понимаю, зачем все это, черт возьми!

Глава 13

– Глеб, как вас там по отчеству – цежу строго и скрещиваю руки на груди.

– Просто Глеб и на «ты», – его же, походу, ничего не смущает.

– А вам не кажется... – вижу, как его перекосило, исправляюсь: – тебе не кажется, что немного перебарщиваешь? Я не бедная девочка, нуждающаяся в покровителе. Телефон и сама могу себе позволить. Да и вся вот эта ситуация, – обвожу пальцем кухню, но умолкаю, не найдя разумных слов.

Вмиг что-то странное замечаю в зрачках Арсеньева... Злость? Отвращение?

– Мне следовало отвести тебя в отель, из которого утром выперли, или к мужу, который заблокировал твои карты?

Слова летят в лоб автоматной очередью и пристреливают на месте. Затыкаюсь и стыдливо прячу глаза, потому что прав Глеб, как ни крути. Значит, воспоминания верны и в его машине я вчера наговорила лишнего. Выставила себя полнейшей дурой!

– Я верну деньги за телефон.

Кошусь на айфон и все же поддвигаю его к себе. А свой я вчера какого хрена выкинула? Включила небось, а там Сашкины звонки посыпались градом. Другой причины не вижу.

– Судя из вчерашнего пьяного лепетания, Краевский тебе изменил.

Дергаюсь от его жестких слов, будто меня хлыстом ударили. И не нахожу в себе силы ответить, вместо этого киваю. Хотя, кажется, Глеб и не спрашивал. Лишь констатировал ужасающий факт в моей биографии.

На Арсеньева не смотрю, разглядываю дно чашки, будто могу по кофейной гуще нагадать себе будущий ответ.

– Карты, которые он заблокировал, твои или его?

– Мои... и его... там сложно все, – вздыхаю, но делюсь с ним какого-то фига откровением, потому что не могу больше в себе держать груз.

А Соня, предательница, так со мной и не созвонилась. Только по этой причине нахожу в Глебе ту самую жилетку, об которую бессовестно вытираю сопли.

– Одна зарплатная – моя, но на его имя. Саша оформил ее после брака, я тогда мало что понимала и не вникала в детали, просто согласилась со всеми условиями, все равно не было времени бегать по банкам. Вероника в то время сильно болела, и я практически не отрывалась от ее постели. Ну, не было никогда проблем, так и оставила карту. Две другие – его, на них каплют проценты от сделок и вкладов. Но они как бы и мои, потому что я тоже вносила не малую лепту.

Наконец, поднимаю взгляд и замечаю хмурость на лице Арсеньева, глаза буквально сверлят меня, будто обвиняя в тупости, поэтому на автомате спешу оправдаться:

– У меня есть счет в банке, лично мой, пополняла для родителей и на черный день. К тому же я обратилась к адвокату по бракоразводным делам, она поможет мне вернуть мои деньги.

– Это вряд ли, – прибавляет, но с мягкостью и нежной улыбкой, будто сглаживает заранее причиненную им боль. – И бизнес ваш, совсем не ваш.

Добивает, но я отрицательно машу головой. Плевать, что думает Арсеньев, у меня другая правда. Но зудит изнутри подлый червячок и колукает в душе дырку, желая просочиться дальше, чтобы отравить кровь.

– Ты просто пытаешься меня всколыхнуть и вынудить работать на тебя, – упрекаю, но не смущаю этим мужика.

– Я правда хочу, чтобы ты работала на меня, – подтверждает, но сразу добавляет для ясности: – я не пытаюсь настроить тебя простив Краевского, но если слухи верны, то все это

время ты развивала не ваш общий бизнес с мужем, а бизнес его матери. То есть, по сути, ты просто работала за низкую зарплату со стопроцентной отдачей с мнимым правом голоса.

Смеюсь аж до брызнувших слез из глаз, потому что... пазл вдруг сложился в одну жестокую картинку. Как бы, с одной стороны, я могла бы и не иметь никаких прав на бизнес мужа, потому что он был у него до брака. Но, фигня в том, что после брака, когда Ника пошла в школу и я снова вернулась к работе, наша сеть заметно расширилась и только потому, что я нашла пути инвестиционных вливаний.

Много раз Саша говорил с твердой уверенностью, что я его бизнес-партнер и что у меня так же равные права, как у законной жены. Но юридически я ведь нос туда не совала и никаких документов не подписывала. Мне хватало того, что и у меня, и у Саши, было право подписи, а это значило, что мы оба владельцы бизнеса. Получается, и я тут слепо поверила мужу, хотя должна была насторожиться изначально.

Да разве могла я подумать в то время, что любовь имеет срок годности? У меня перед носом был хороший пример семьи, где не было деления «твоя-моя» деньги, они всегда были общими. Родители до сих пор поддерживают и беспокоятся друг о друге. Любит несмотря ни на что! Я выросла с мыслью, что брак – это один раз и навсегда. Это любовь и забота в любой ситуации: будь то болезнь или горе, не только радость. Да я Нику воспитывала, как свою, ведь считала нас семьей, раз уж ее мама отказалась от нее. Но что я, черт подери, получила в ответ на свою преданность им обоим? Ушат говна!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.